

Игорь Викторович Чубаха

Цепные псы пантеонов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=139590

Игорь Чубаха. Цепные псы пантеонов: АСТ, Астрель-СПб; Москва; 2006
ISBN 5-17-034340-X, 5-9725-0246-1, 985-5619-0

Аннотация

Сегодня он – непреметный парень, притворяющийся украинским гастарбайтером.
Поворот судьбы... И он попадает в страну сбывающихся желаний?!
Нет! Это мир – где схлестнулись добро и зло, тьма и свет!
Вопрос о победителе остается открытым...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	28
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Игорь Чубаха

Цепные псы пантеонов

Глава 1

Дороги, которые нас кидают

*А бабочка крылышками
бяк-бяк-бяк-бяк.
А за ней воробышек
прыг-прыг-прыг-прыг.
Он ее, голубушку,
шмяк-шмяк-шмяк-шмяк.
Ам-ням-ням-ням да и
шмыг-шмыг-шмыг-шмыг.*

Пружина рванула дверь обратно, та глухо хлопнула, и предоставленный сам себе Антон оказался под прицелом ленивой и бесконечной, будто депрессия, типичной для весеннего Питера пародии на дождь.

Куда дальше отправиться в своих блужданиях, он еще не решил. Антон надвинул кепку на глаза, используя невинный жест, чтобы украдкой просканировать краем глаза улицу вправо и влево – ничего и никого подозрительного. Дождь разогнал прохожих по квартирам и пивбарам, подобным тому, который остался у Антона за спиной.

Пожалуй, пора было подумать о ночлеге, и это была злая проблема, ведь в гостиницах и на сдаваемых квартирах его станут искать в первую очередь. Антон усталился в витрину цветочного магазина: снопы красных, белых и даже синих гвоздик, ранние блеклые тюльпаны, вечнозеленые фикусы в кадках, упругие и бодрые, словно из похоронного пластика. Конечно, сегодня не было у него интереса к цветам, сквозь свое отражение – подтянутая фигура, рост малость выше среднего, одежда невзрачная, лицо скуластое, волосы русые – он лишний раз проверился, но кроме аппетитных коленок дефилирующей под зонтом семнадцатилетней пигалицы опять не нашел в отражении ничего интересного.

Очень не хотелось ночевать в первом подвернувшемся подвале – царстве бронзовокожих бомжей, или на обжитом голубями чердаке, искать его станут и там. Скамейки в парках тоже отпадали – весна только вступила в свои права, и ночные заморозки гарантировались. Еще можно было рискнуть облюбовать какую-нибудь позднюю электричку, укатить из города и свалить на дальней станции, но для этого прежде пришлось бы нарисоваться на одном из четырех городских вокзалах, которые вряд ли пребывали вне сферы внимания анонимных охотников за его головой.

Идеальным вариантом, не смотря на только что произошедший облом, оставалось завернуть в очередную кафешку, снять местную красавицу и скоротать ночь в ее кровати. Но, опять же, Антон был одет далеко не по-клубному, да и в очередной кафешке его мог ждать столь же горячий прием, как в заведении, которое он только что покинул.

И тут из старательно утешающего лужи потока мокрых машин выделился древний УАЗ с мягким верхом и тормознул аккуратно напротив мешкающего Антона. Понятно, выкрашен УАЗик был в милицейские желто-синие цвета, и за рулем восседал представитель властей в сержантском чине. Сержант что-то бубнил напарнику и кивал в сторону Антона квадратным рязанским подбородком. Пытаться бежать было бы нелепо, и пусть патрульная машина

остановилась явно по Антонову душу, раньше времени серьезно рыпаться не стоило, ведь не государство объявило весеннее сафари на Антона.

Два серых гвардейца синхронно покинули УАЗ под синхронный хлопок дверец и, бодренько перешагивая лужи, нацелилось на Антона. Оба клиента были при палках-демократизаторах, один – при табельном пистолете в исцарапанной кобуре.

– Сержант Иванюк, – небрежно козырнул водила, – предъявите документики.

Рука Антона равнодушно скользнула под куртку в нагрудный карман рубашки... и вернулась с паспортом. Антон пас реакцию гвардейцев, те на опасное движение руки не напряглись, чуть что, застелить новыми знакомыми асфальт будет не сложнее, чем написать мелом на заборе формулу цианистого калия. Сержант паспорт взял, но открывать не поспешил:

– Пройдемте в пивбар, а то здесь дождь документики намочит.

Не требовалось десяти пядей во лбу, чтобы прочитать в сержантских глазах жгучее желание подзаработать, а виной всему наряд Антона. Антон Петров был одет точь-в-точь гастробайтер с Украины, и сержант не сомневался, что в паспорте задержанного в помине нет штампа о прописке.

– Сержант, я что-нибудь нарушил? – и сам Антон стал изображать такого заезжего роботягу-шабашника, в меру резвого, в меру бздливого.

– Давай в бар, там разберемся, – многозначительно положил руку на демократизатор второй гвардеец. У этого парня только-только пробивались девственные усики, но по наглой ухмылке читалось, что эта сволочь далеко пойдет.

– Ладно, ваша взяла, – красиво-виновато вздохнул Антон, – у меня действительно нет питерской прописки. Вот двести рублей – по тарифу.

– В бар, – стал грудью теснить Антона сержант, а реквизированный паспорт убрал в карман форменки и в довесок выдул огромный жвачковый пузырь, демонстрируя сим, что, мил человек, двумястами тугриками не отделаешься.

– Ребята, я на работу опаздываю.

– В бар.

– Ребята, я так работу потеряю!

– В бар!

– Ладно, вот вам тысяча рублей, – Антону очень хотелось разойтись со стражами правопорядка мирно.

Бряк, на запястьях Антона застегнулись спецсредства, они же – наручники, они же – «браслеты». Затылок обожгла запоздалая мысль, что эти двое в сером могли быть банально наняты ищущей и преследующей Антона силой. Но тогда какого лешего они толкают задержанного в кафе, а не запихивают в зарешеченный задник УАЗика?

Гвардейцы мародерно вырвали из скованной руки деньги. Может, заодно желают отметить удачу? Тогда у Антона снова появляется шанс.

Один спереди, один сзади... небрежное подталкивание дубинкой в спину... Уже знакомо мешает распахнуть дверь широко пружина... Уже знакомые три ступеньки вниз и тусклый свет... Чтобы оценить картину, глаза служивых сначала должны привыкнуть.

– У нас баба пьяная вчера прыгнула с восьмого этажа, и хоть бы что, – будто между ними не Антон, а пустое место, – сообщил напарник сержанту, – расселась в луже и давай санитаров матом поливать.

– А у нас в соседней квартире мужик квасил по-черному, – опять выдул жвачный пузырь и бабахнул сержант. – И вот решил прыгнуть с балкона. И если жив останется, то завяжет. Остался жив и вот пять лет уже ни-ни.

Справа облупленные игровые автоматы: за стеклами – семерки, сливы и ягоды. У корытец симпровизированные из пивных жестянок пепельницы, набитые окурками сверх всякой меры. На одном одноруком бандите – «Джек пот», и корытце засыпано жетонами с горкой, и

никто их не гребет лопатой, но не это главное. Слева три деревянных стола, чередующихся с лавками, на среднем две недопитых ребристых кружки пива и расшелушенный вяленый лещ. Мордой в стол у кружки не шевелится крупный гражданин, седые волосы взъерошены в манере кокосовой пальмы. Но это бы ладно, можно было бы поверить, что крупный товарищ основательно перебрал и теперь почивает.

Можно было бы поверить, если бы через барную стойку не свисал, словно белье-неплеже на просушке, безвольно раскинув руки, его напарник – столь же шкафоподобная горилла, и здесь уже доктора звать не надо, чтобы классифицировать типичное «моментум морэ»: спина не всколыхнется в такт дыханию, уши и ногти малиново-синие.

Хлоп, Антон рывком присел, для веса сжал правой ладонью кулак левой, и левым локтем, не поворачиваясь, саданул заднему товарищу сержанту в причинное место. Не рассчитав, и попади он локтевым суставом на пять сантиметров выше – в латунную бляху на клепаном ремне, и суставу пришел бы кирдык, но из двоих не повезло служивому. Сержант поперхнулся воздухом, и не мешкающая пружина смачно шарахнула его дверью по затылку. Кепка упорхнула с Антоновой макушки, и распрямляющийся Петров сложенными в один кулак руками сочно ткнул в хребет впереди стоящего.

Силы тычка хватило, дабы швырнуть стража ребрами на далекий прилавок под бочок предыдущей «жертве неосторожного обращения с Антоном». Увернувшись от стигающего пистолетиком и воющего «скорой помощью» сержанта, Антон второй раз за сегодня выскочил из негостеприимного кафе. Пока он прохлаждался внутри, снаружи дождь припустил. Припустил и Антон – к двухцветному УАЗу.

Служивые поленились вырубить мотор и не удосужились запереть дверцу, за то им огромное спасибо с кисточкой. Антон орлом взгромоздился на пухлое шоферское сидение и рванул с места в карьер.

Уже бросив УАЗ вперед, он вдруг врубился, что салон машины, мягко говоря, не является салоном настоящего УАЗика. Половина циферблатов была лишь пошлыми бумажными наклейками с приблизительно соответствующим рисунком, буквально как в грубых китайских игрушках.

И тут Антону Петрову в глаза ударило ослепительное солнце...

Он проморгался, рукавом через сопротивление наручников смахнул набежавшие на глаза слезы... Солнце. Настоящее сползающее по безоблачному небу предзакатное солнце, а вокруг что угодно, только не забрызганные дождем мрачные шершавые стены питерских домов и засцанные полосатыми, словно судьба, кошками подворотни. Эта странная милицейская машина фантастическим образом в мгновение ока зашвырнула Антона в нелепое место.

Спокойствие, Антон, только спокойствие.

Вдоль грунтовой, изрезанной колдобинами и сдобренной лужами дороги заслоняли горизонт покосившиеся бревенчатые срубы одноэтажных хибар. Солнце скоро сползет за крышу ближайшего строения – скорее всего местного магазина. Правда дверь этого оплота цивилизации свисала на одной петле, и в окнах совсем не осталось целых стекол. Специально их аборигены колошматили, что ли? Да и в самой, если можно так назвать, деревеньке – ни дымка из трубы, ни лая цепных Шариков, ни другого заваливающего признака жизни.

Гадание на кофейной гуще по вопросу, куда его забросило, наадреналиненный по маковку Антон без восторга, но и без паники, отложил на потом. Хотя, конечно, подспудная мысль, что у него элементарно поехала крыша, никуда не делась, осталась на заднем плане сознания во всей пугающей красе. Первым же делом беглец осмотрелся в «угнанном» фальшивом УАЗе. Черная милицейская куртка пригодится, чтобы скрыть под ней наручники от пытливых глаз местных жителей, ежели таковые, в конце концов, обнаружатся. Врубил приемник и к облегчению узнал поющий про «говорящего по-французски Алена Делона»

голос – Бутусов, богатым будет. Выходит, эта вымершая местность – не далекая Австралия, а нашенская Россия.

А вот бардачок порадовал безмерно – здесь, обернутая ремешками португези эдакой наглой, беззаботной и сытой жабой возлежала кобура, а в ней уставной Макаров с запасной обоймой, везение – почти как в компьютерной стрелялке.

Все это богатство, ежу понятно, без ствола и запасной обоймы, Петров засунул в бардачок обратно и постарался придать натюрморту вид, будто так и было. На инерции спрятав браслеты и Макара под перекинутую через руку куртку, Антон задом вперед неловко выбрался из УАЗика и зло пнул дверцу. Та беспрекословно захлопнулась, и звонкий хлопок весело сотряс воздух – слишком звонкий в царящем предзакатно-буколическом покое.

Издавать лишний шум не очень входило в планы, Петров скрипнул зубами и впредь наказал себе быть осторожней. Для начала хорошо бы надыбать в этом сонном королевстве какой-никакой завалящий слесарный инструмент и освободить руки, потом уже можно будет попытаться и сориентироваться на местности.

Не торопясь оказаться внутри ветхого лабаза, Петров предпочел для порядка обойти заведение по кругу против часовой стрелки. Салатные стебельки молодой травы распахивали жухлых прошлогодних сестриц, трава мягко глотала шаги, и, самое приятное, нигде не хранила чужих следов. Селение оставалась безжизненным, даже птицы не чирикали в топырящихся из-за покосившихся заборов кронах, и Перов уже не сомневался, что ВОЛШЕБНЫМ КАРАМБОЛЕМ угодил в одну из многих на Северо-Западе заброшенных деревень. Все не так уж плохо – он мечтал выбраться сквозь заградительные кордоны врага за город и выбрался. Пусть посредством бредово-магического прыжка в пространстве, но об этом пока не думать, не думать, не думать... Лучше вспомнить что-нибудь приятное: он, помнится, был не прочь завести короткое знакомство с красавицей...

Он что, попал в страну сбывающихся желаний? За образованным переименовывающимися бревнами углом халупы еще более нелепый здесь, чем его экспроприированный желто-синий УАЗ, маячил пятидверный веселенько-розовый хетчбек «Фольксваген Гольф». А вокруг него подпрыгивала и пыталась панамкой поймать рано проснувшуюся бабочку длинноногая смазливая девица, одетая тоже в воздушное веселенько-розовое.

– Девушка, не подскажите, как обзывается эта деревня?! – «Одна... в такой глуши... я б на ее месте тут же нырнул в машину и задраил стекла... – прикинул Антон.

Девушка оторвалась от увлекательнейшего занятия и радушно улыбнулась:

– А вы тоже приехали дачу присмотреть? – в ее карих глазах страх, как физиологическая реакция на незнакомых мужчин в дрянной одежде, отсутствовал напрочь.

– А что, здесь сдают? – «В такой глуши... и такая...». Петров по достоинству оценил и зеленые колдовские глаза, и распущенные до попы каштановые косы, и саму гитарообразную попу, аккуратно упакованную в кремовое мини.

– Нет, сдают несколько поворотов грунтовок назад, это я – такая дурочка, что заблудилась.

Она настолько не боялась его, что впору было испугаться самому Антону.

– Антон, – отстранив вновь взбесившиеся от непоняток эмоции, разумно взвесив обстоятельства и в итоге посчитав, что такая фея не может быть опасной, шагнул к девушке беглец, – Так вы не знаете, как называется эта деревня?

– Я что, похожа на мастера по ориентированию на пересеченной местности? Вы мне льстите. А вы здесь какими судьбами?

– О, это удивительная и долгая история, – избрал он игривый, но без хамства тон, – вы там уже были? – небрежно кивнул Петров на лабаз.

– Вы милиционер? – обратила она внимание на прищипдоренный драгвой к перекинутой через руки халдейским полотенцем куртке сержантский погон.

– Увы, – глядя в сторону, кивнул Антон, почему-то ему было неприятно врать этой красотке, – у вас бензин кончился?

– Почему обязательно бензин? – она пожала плечами, – мне это запустение понравилось, и я решила поискать клады. Вы мне составите компанию? Вам по должности искать клады разрешено? – И красавица, игриво встряхнув косами, уверенно скользнула в боковую дверь лабаза, та только скрипнуть успела.

Спокойствие, Антон, только спокойствие.

– Сумасшедшая, – то ли недовольно, то ли восхищенно буркнул Антон и поплелся следом.

Первый затхлый зальчик в прежней жизни был подсобкой, и до сих пор в огромной амбарной бочке под коростой плесени гнили в вековом рассоле огурцы. На стенах пылились иссохшие веники, а в пазловую прореху крыши заглядывало смутно сереющее небо.

– Так и ногу сломать можно, – не рискуя подать руку (проклятые «браслеты»!) перцепившейся через деревянный ящик девушке, вздохнул Петров.

– Зовите меня Катей, – она с детским любопытством совала очаровательный нос во все щели и спешила дальше, предоставляя Антону глотать взметнувшуюся пыль, – Разрешается сотрудникам милиции искать клады или нет? – не без кокетства спросила она и опять исчезла за следующей шкуродерно скрипучей дверью.

И только тогда Антон принялся расшатывать с минуту как примеченный ржавый дальше некуда гвоздь. Расшатал и выковырял из трухлявого стоякового дерева, а уж расстегнуть в два поворота гвоздем кондовые отечественные наручники труда нашему персонажу не составило, и не такое умел вытворять.

Браслетики он бережливо убрал в карман, авось сгодятся в бурной жизни, ствол сунул под брючный ремень, продел руки в рукава куртки, так, чтобы пола закрывала рифленую рукоять Макара, и с чувством глубокого удовлетворения двинул вслед за безбашенной подругой в новые торговые площади.

– Смотрите, это не вас коллеги ищут? – Катя сквозь разбитое окно уже собиралась окликнуть возникших у УАЗа знакомых серых гвардейцев – сержанта с квадратным рязанским подбородком и второго, молодого да раннего, мнущего оброненную Антоном в баре кепку, но не успела.

Будто снимает часового, Антон напрыгнул сзади, зажал красавице ладонью рот и, с грехом пополам пятясь, поволок девчонку в глубь магазина... вторая дверь... блин компот, он забыл, что здесь бочка с огурцами, и ощутило напоролся копчиком... первая дверь...

Спокойствие, Антон, только спокойствие. Хотя, оказывается, схлестнулись с блуждающим Петровым далеко не простые, как прежде наивно думалось, менты – умеют по странностям прыгать, будто блохи!

Антон втолкнул девчонку на сидение «Гольфа», и, чтобы она не изобретала глупости, подгоняя ствол в ливер, убедил пересесть на соседнее с водительским место. Незамедлительно плюхнулся рядом и только тогда обнаружил, что ключ в замке зажигания отсутствует, как порнография в Арабских Эмиратах.

– Ключ?!

– Я же приглашала тебя искать клад, – с прорезавшимся презрением прошипела Катерина, – неужели я была обязана объяснить, что клад – это и есть брелок, который я, как типичная безалаберная краля, потеряла где-то в траве?!

– Почему же мы тогда искали в магазине? – Антону удавалось не выдать тембром, что он готов расплющить всех и вся, лишь бы оказаться от этого заколдованного места как можно дальше.

– Мы не успели разделить, по моему плану ты должен был искать внутри, а я от греха подальше – снаружи, – слова девушки сочились безупречной логикой и презрением.

Но не убедили Антона. Перегнувшись через ее соблазнительно упакованные в кремовое мини бедра, он поймал за бретельку кремово-розовую сумочку и вытряхнул содержимое на торпеду. Среди помады Clarins, пудреницы Ever bilena и пачки тампаксов на пластмассу брякнулся брелок сигнализации, и тренькнули ключи.

Пистолет отправился под ремень на противоположный от пленницы бок... «Фольксваген Гольф» прыгнул вперед так, будто ему здорово поддали копытом под багажник, и с визгом раненого зайца пронесся по травяным кочкам. Резкий поворот руля, занос на всех четырех колесах, ощущение, будто задок машины отрывается от дороги... И вот многострадальный «Гольф» выровнялся и замелетьшил по колдобинам, опасно шкрябая днищем.

– Куда по копанному?! – только и успел крикнуть тающему в размерах заднему номеру «Гольфа» сержант.

– Аккуратней, – простонала Катерина, – мне эта машина обошлась в восемнадцать тысяч!

– За такие бабки надо было двухлитровый, а не один и четыре двигателя брать!

За последним бревенчатым сараем дорога стала чуть ровнее, и сошли на нет лужи, но машинку продолжало швырять из стороны в сторону, будто назююкавшегося Пятачка с воздушным шариком. У Антона в закромах не оказалось солнцезащитных очков, а отрезанная горизонтом половинка солнца била в глаза лучами прямой наводкой, и не спасал слишком высокий щиток.

Девушка не унилась подбиранием рассыпанного добра, и бирюльки, несколько раз поцеловавшись с лобовым стеклом, сползли-скатились под ноги.

До поры пошлем подальше мистическую оказию, мгновенно перешвырнувшую Антона километров за триста-пятьсот в глубинку, какие он успел совершить ошибки?! Глобальная – находясь в бегах зашел товарищей, покрашенных под заурядных ментов, заурядными ментами, а ведь «во время эпидемии чумы ангиной не болеют». Вторая ошибка для человека с его концептуальным образованием не менее позорна: весь сегодняшний день он шатался по местам скопления невинных граждан – универмаги, общественный транспорт, пешеходные зоны... какого-то лешего наивно полагая, что толпа – лучшая маскировка, когда адепты единодушно учат при первом же тревожном звончке ложиться на дно. И чем глубже, тем дольше проживешь.

– Антон, – многозначительно начала Катя, намертво вцепившись в дверную ручку, – тебе очень не повезло, что в заложницы ты взял меня, папа тебя найдет даже на икорно-гейзерном Сахалине!

– «Папа» в каком смысле? – не отрывая глаз от дороги, скупно изобразил интерес Петров, – родной папа, или «папа»?

– Хочешь пощечину?

– На такой скорости и дороге это самоубийство, – он попытался поймать ее взгляд и подмигнуть, но пленница упрямо смотрела на дорогу – с бледным лицом и плотно сжав губы.

– Черт!!! – только и выкрикнул Петров, когда случайно глянул в зеркальце заднего обзора. Конечно, это с его стороны был суперпромах – он не озаботился вывести из строя УАЗ (вбил в мозжечок, что не стоит мараться, все равно – фальшивка), и теперь эта загадочная дура-машина не только прочно висела на хвосте, но и нагоняла. – Ладно, не бойсь, прорвемся!

– Я и не боюсь. Они не работают на моего папу, но за те деньги, которые он им предложит, они продадут тебя ему с потроха-а... Осторожней, полоумный!!!

...Не менее очарователен третий прокол, который Антон сам себе по глупости подарил. Он стал планировать ночевку ближе к вечеру, хотя те же учителя в один голос талдычили, что у правильного человека шахматная партия с будущим распланирована минимум на пять ходов вперед. Антон Дмитриевич Петров, прошедший обязательный начальный курс

полевого, агентурного разведчика и агента влияния, обделался по самые помидоры, только теорию пришлось проверять практикой!..

– Ты не поверишь, Катерина, но я – честный человек. А вот эти, которые... здесь держись крепче... которые на хвосте, черт знает кто и откуда. Но, кажется, им за мою бестолковую голову замаксали столько, что ты при любом раскладе окажешься лишним свидетелем.

– Но они же все равно нас догонят!

– У нас один пистолет на двоих, и у них один на двоих, и солнце вот-вот сядет.

С последним лучом солнца дорога нырнула в лес, косматые, понизу укутанные еле различимой седой паутиной ели встали по бокам и принялись сине-зелеными лапами скрестись в стекло. Антон резко тормознул:

– Пока у них глаза не привыкли, смывайся сквозь бурелом, сколько хватит сил, останусь цел – я тебя позову! – Антон одной рукой отпирал дверь, другой выхватывал Макара.

Но девушки рядом уже не было, из вороха опадающих розовых тряпок к его вооруженной руке метнулось и оплело руку кольцами гибкое скользкое тело гигантской, не меньше легендарных анаконд, змеи. Дьяволиада продолжалась, вот и четвертая ошибка – зря он отложил на будущее мозговой штурм темы, каким-таким inferнальным образом его швырнуло из одной лузы пространства в другую, дьяволиада продолжалась... Наконец вся десятиметровая тварь выползла из девичьего маскарадного костюма, кольца обвили Антону ноги, кольца захлестнули горло и стали душить.

УАЗ подъехал к «Фольксвагену» почти вплоты, две серые личности выбрались наружу и стали приближаться, уже не торопясь.

* * *

До третьих петухов оставалось четыре часа семнадцать минут. Придорожное кафе было с претензией, с претензией была и здешняя хозяйка-официантка-барменша в одном лице, вся в тесном и сиреневом. Ее могучий бюст двумя спелыми дынями многозначительно выпирал из глубокого выреза. Но Эрнста не интересовало заглядывать в вырез, и даже на молочно-белую шею сиреневой мадам он не косился, сейчас не до забав.

– Горячее будем? – скверным сопрано спросила официантка, чем мгновенно развеяла приятное впечатление о себе.

Эрнст еще подумал, что с такими голосовыми данными дамы учредителям кафе совершенно не обязательно тратиться на охрану, чуть что, «воздушная тревога» на сто верст вокруг гарантирована.

– Солянку, шницель с картофелем фри, томатный сок, – равнодушно перечислил Эрнст и повернулся к Фряеву с жестом доброй воли, – заказывай, я плачу.

– Аналогично, – Константина Фряева тоже не очаровали монументальные формы официантки, совсем другие мысли сейчас мытарил Костика. Очень интересовало смертного уйти отсюда без потерь – все-таки полнолуние, господи. Плюс, если полнолуние не сыграет дурную шутку, оставался размытым вопрос, сколько именно купюр в итоге беседы положит фон Зигфельд под салфетку.

Сиреневая мадам, кажется, обиделась, что ей уделили так мало внимания, и, волнируя внушительными бедрами, отыграла за стойку. Ночь только начиналась, для придорожного кафе на трассе «Петербург-Финляндия» всего два клиента в это время котировались в диковинку. Отвергнуто-разочарованная дама врубила по магнитоле «Русский шансон», и голос покойника¹ спонтанно заполнил свободное пространство кафе:

¹ В ночь с 30 июня на 1 июля 2002 года в Тверской области было совершено разбойное нападение на дом певца и композитора Михаила Воробьева, широко известного под псевдонимом Михаил Круг. В частный дом, где проживал Круг,

*...Владимирский централ, ветер северный,
Этапом из Твери, зла немерено,
Лежит на сердце тяжкий груз.
Владимирский централ, ветер северный...*

Надтреснутый голос безвременно убиенного певца шарил в граненых пепельницах «Лапин культа», расставленных по относительно чистыми скатертями. Скатерти саванами покрывали шаткие паучьиногие столики. В жилу надрывной песне, когда мимо обители проносилась очередная фура, начинали дребезжать пыльные оконные стекла и колыхаться капроновые занавески.

*...Когда я банковал, жизнь разменена,
Но не «очко» обычно губит,
А к одиннадцати туз...*

— Удача, просто грандиозная удача, он купился на все сто, — самодовольно затараторил Фрязов. Этот фрукт стратегически далеко задвинул локти на скатерть, спишем наглость на мандраж, и рапортовал, уставившись на салфетку, будто в глаза гипнотизера. — Я постучал ему в дверь в четыре утра. Это был очень хитрый ход, представляете, он, оказывается, носит армейские подштанники! — А все таки очень некомфортно чувствовал себя докладчик, полнолуние всегда полнолуние, и слишком быстро сохла на языке докладчика слюна.

*...Там под окном зэка проталина тонка,
И все ж ты недолга, моя весна.
Я радуюсь, что здесь хоть это-то, но есть,
Как мне твоя любовь нужна.
Владимирский централ, ветер северный,
Этапом из Твери, зла немерено,
Лежит на сердце тяжкий груз...*

Эрнст фон Зигфельд сидел с каменным лицом, казалось, ему по барабану и нервно-экзальтированный слог Фрязева, и минором облизывающая неметеные углы музыка. В лице фон Зигфельда было что-то мефистофелевское: длинный костлявый заостренный подбородок, постоянно поднятые уголки губ, глубокий треугольный вырез ноздрей, брови вразлет над двумя складками, из которых торчал крючковатый нос, да клинышек коротких светлорусых волос между большими залысинами. Обычными, а не раскосыми, как следовало ожидать, были только его желтовато-серые глаза.

— Конечно, непротокольным визитом в такую рань я его огорошил, и он даже хотел захлопнуть дверь перед моим носом, но пара цитат из Нового Завета прижали праведника к стенке. А окончательно он мне поверил, когда я на его глазах нагло схватил со стола и в секунду сгрыз заплесневелый сухарь. — Фрязов пялился на салфетку, будто подросток на стриптизершу.

Эрнст фон Зигфельд смотрел в пустую пепельницу, пачка «Мальборо» лежала рядом с его правой рукой, но в пепельнице еще не был похоронен ни один окурок.

проникли двое неизвестных, певцу были нанесены огнестрельные ранения. Преступники скрылись с места происшествия, а пострадавший был доставлен в больницу. Не приходя в сознание, Круг умер в операционной.

*...Владимирский централ, ветер северный,
Когда я банковал, жизнь разменена,
Но не «очко» обычно губит,
А к одиннадцати туз...*

– Я спецом в предыдущий день ничего не жрал, знаете, голодный блеск в глазах не подделаешь, – по жизни подлизываясь, осклабился Фрязов. Он в силу каких-то причин поосторожничал, войдя в зал, снять и повесить на крючок синтепоновую куртку из моды девяносто первого года, к гадалке не ходи, презент окучиваемого Фрязовым объекта.

Про голодный блеск фон Зигфельд сам мог бы порассказать на роман-эпопею, но молчал, словно выключенный телевизор, молчал в девственную пепельницу. Еще Эрнст подметил, что нынче гражданин Фрязов ведет себя как типичный осужденный на смертную казнь, которому дали последнее слово выговориться-выплеснуть наболевшее. Неужели он догнал?..

*...Владимирский централ, ветер северный,
Этапом из Твери, зла немерено,
Лежит на сердце тяжкий груз.
Владимирский централ, ветер северный,*

На стол перед клиентами опустился поднос, и повлажневшая глазами под душещипательную песню мадам-официантка расставила порции. Ее бюст чуть ли не разваливал декольте по швам. «Слишком быстро, – мельком подумал Фрязов, – не готовят, а разогревают в микроволновке». «А сок-то разбавленный,» – сообразил Эрнст, но поднимать хай не стал. Ему это надо – привлекать к своей персоне лишнее внимание?

*Когда я банковал, жизнь разменена,
Но не «очко» обычно губит,
А к одиннадцати туз.*

Фрязов яростно заработал челюстями, ложкой и следом вилкой, нож он игнорировал, при этом отчет о проделанной работе продолжался сквозь корбящее Эрнста плямканье и цыканье зубом. Эрнст прикинул, что играть клинически голодного персонажа Константину Фрязову удастся при любом желудке, хоть пустом, хоть набитом под завязку, просто талант, этаким самородок земли русской.

– Я вдоволь перед ним повыкаблучивался, спрашивал даже добро сходить в клозет, тарелку вымазывал хлебным мякишем, – зубы у Фрязова оказались редкие и желтые, он работал ними с механическим однообразием, солянка, шницель с картофелем фри, а под занавес и томатный сок, исчезли по этапу, словно цивилизация ацтеков после турне Кортеса, – хабарика бычковвал и потом докуривал.

Эрнст сделал вывод, что его собеседник не вникает во вкус поглощаемой пищи. Пока не притронувшийся к своей порции «маршрутной» еды Эрнст кивнул на «Мальборо», приглашая угощаться. Константин тут же выудил сигарету, суетливо прикурил и добросовестно затянулся:

– А потом мы с ним спорили, Господи, как мы с ним спорили! – Фрязов прекрасно врубался, что отчет о содеянном у него на высший балл, а вот колбасил, колбасил и не отпускал его мандраж, хоть ты хны!

– Не поминай всуе, – неожиданно прервал бесконечное молчание фон Зигфельд.

– Да-да, конечно, а вы есть не хотите?

– Докуришь, сможешь доесть.

А сквозь надрывы магнитолы снаружи то и дело пробивался грохот курсирующих автоприцепов. Только что особо загремело, небось, какой-нибудь КРАЗ, хотя – что КРАЗам делать на этой трассе?

– Спасибоочки. Так вот, я о наших спорах. Этот болван наивно верил, что разговорами сможет меня обратить в веру. Мы обсуждали и «Послание к коринфянам», и «Песню песней», я ему талдычу: «Если ты такой истовый, сними сглаз», а он мне: «Гордыня – от беса!». Сплошная умора, обхохочешься. – Фрязов раздавил окуроч, лишив пепельницу девственности, и придвинул к себе вторую солянку. Фрязов мел языком и не мог выговориться, словно все делает в последний раз.

По легенде заурядный «ясновидящий и предсказатель» с минимальными экстрасенсорными талантами Константин Фрязов, нарушил Статью 545 секретного приложения к Уголовному Кодексу «Использование в магических ритуалах домашних животных с нанесением им физического ущерба или приведших к их гибели» и был водворен в тайную тюрьму для инферналов, находящуюся под боком Соловецкого монастыря (естественно, с последующим стиранием памяти). На самом деле, конечно же, никто никуда Константина не сажал, но с этой легендой Фрязов, якобы из острога бежавший, нашел приют у священника прихода села Ольхович отца Евдокима, пошедшего на сокрытие преступника под лозунгом «Я не поддерживаю ваши убеждения, но готов умереть за ваше право отстаивать их». Операция бала нацелена на дискредитацию отца Евдокима, в последнее время набирающего популярность проповедями у шоферов-дальнобойщиков. Курировал операцию антииеромонах восточной инферн-группы войск «Старшая Эдда» Эрнст фон Зигфельд, и сейчас у них происходила рабочая встреча.

– Короче? – Эрнст повертел в пальцах пачку «Мальборо», но отложил, так и не достав сигарету, не хотел оставлять в явочной забегаловке окуроч с образцом слюны. А тип, аккуратно уносящий окуроч с собой, априори не может не вызвать подозрение.

Магнитола одарила слушателей очередной песней:

*Голубой струится луч
Между небом и землей —
Это бархатная ночь
Охраняет свой покой.
Там за кромкою луча
Притаилась пустота.
Там за кромкою луча
Притаилась суета...²*

А вот здесь спирт-любитель Костик Фрязов дал маху – не обратил внимание, что и эту песню исполнял невинно убиенный голос³. И глубоко зря – был в сегодняшнем репертуаре магнитолы тонкий намек на толстые обстоятельства.

– Короче, этот поп теперь наш с потрохами, вербовка «в темную» чистосердечного отца прокатилась успешно, можем переходить к следующему этапу операции. Я тут кое-что прикумекал, у меня появились интересные наметки... – чтобы достать из внутреннего кармана плаща конверт, Фрязову пришлось отложить вилку, и сделал он это с явной неохотой.

² «Уснувший мир» Игорь Тальков.

³ 6 октября 1991 года во время концерта в Санкт-Петербурге в спортивном комплексе «Юбилейный» Игорь Тальков был убит за кулисами двумя выстрелами из пистолета в результате спровоцированного конфликта. Убийца не установлен.

Эрнст еще подумал, что вот так запросто, обыденным движением Фрязов вместо конверта мог достать и какой-нибудь «Стечкин» с серебряными пулями. И расклад моментально бы переменялся.

*...Уснувший мир надежно скрыт
От всех забот, от всех обид,
Уснувший мир спокойно спит.
Уснувший мир. Уснувший мир.*

Лишний раз снаружи в песню ворвался лязг и грохот – мимо придорожного кафе прошел следующий автопоезд.

*Из синих звезд сложив постель,
Качает ночь, как колыбель,
Уснувший мир...*

Мадам-барменша за стойкой плотала сентиментальные слезы и нервно щелкала фисташки за счет заведения, пара слез ухитрилась оросить правую дыню, хозяйке явно было не до клиентских махинаций. Эрнст принял конверт и спрятал, не вскрывая, взамен сунул под салфетку щуплую стопочку еврофантиков. В глазах Фрязова вспыхнул уже традиционный голодный блеск, вместе с салфеткой купюры ловко исчезли со скатерти. Над Эрнстом закружил первый очнувшийся после зимы комар, недоуменно пожужжал и слинял в панике.

– Ты уходишь первым. Быстрее возвращайся к нашему догматику, а то чего заподозрит, – не дожидаясь реакции на приказ, Эрнст повернулся к лиловой хозяйке и жестом попросил счет.

Та растроганно кивнула, но прежде решила доконать фисташки.

*...Не спеши, шумный ветер,
Луч рассеять голубой,
Что дрожит до рассвета
Между небом и землей.*

– У меня вопрос ребром, – посмел напоследок лишний раз обратить на себя внимание «прорицатель и ясновидящий», – как бы так сказать...

– Смелее.

– Операция закончится, этого православного клоуна мы сделаем, а что дальше? Я боюсь оказаться ненужным. Я слишком много знаю... Я хочу жить... Что вы делаете с вышедшими в тираж агентами?

– Не дрыщи, по окончании операции никто тебя убирать не собирается. Ты не плохо освоился в нашем рейтинге, Карелия бедна на достойных смертных, чтобы вами разбрасываться...

*Этот луч охраняет
Спящий мир от суеты.
Этот луч отделяет
Звездный мир от пустоты.*

В дверях ободренный сыто отрыгивающий агент-спирит Фрязов столкнулся с компанией шоферов, пришлось уступить дорогу.

– ...В общем, жили они долго и повесились в один день, – даже не заметив реверанс встречного товарища, завершил байку сизоносый крепыш из пришлых.

Его спутники заржали, по аромату – в каждом госте булькало не менее трехсот грамм сорокоградусной.

– С вас двести шестьдесят три рубля, – зазвучало над ухом Эрнста скверное сопрано, от избытка чувств щедро перемешанное с соплями.

– Это все ерунда! Вот у меня была подруга в Новгороде – ночью у ларька снял – такая замороженная! Просыпаемся в кровати, а ей уже с утра холодно. Вылезать из-под одеяла – холодно, шмотки натянуть – холодно, яичницу сварганить – и то холодно, хотя у нее газовая плита, а уж выйти на улицу – от дубака зубами коцала, будто каблучками. Я ей на прощание – «Вернусь в следующий маршрут, отопрею, впендюрю искру бодрой жизни!».

Хозяйка-официантка присоединилась к слушателям, не забыв собрать заказы: каждому по двести и по солянке.

– Приезжаю через неделю, а дверь открывают старички. Я так с надеждой: «Лариса дома?», а они мне: «Три года как схоронили, а неделю назад мы как раз на кладбище были, поминали...»

Прочие рыцари шин и домкратов ответили на историю дружным ржачем. Отсчитав денежки и присовокупив разумные чаевые, фон Зигфельд не отказал себе в удовольствии еще раз напоследок полюбоваться бледной шеей лиловой дамы. Правда, это было чисто эстетическое удовольствие. Шоферы расселись на высокие табуреты у стойки и стали похожи на ожидающих, когда жертва окончательно двинет кони, грифов.

– Вез я «Сникерсы» в Сибирь, точнее, в Свердловскую губернию, подобрал на трассе плечевую. А она давай меня лечить, типа в нее вселился ейный покойный муж-боксер, которого на ринге прямым в висок убили. Я внятно попытался профуру высадить, да не тут-то было. Денег не берет и внушает, что я обязан супротивника по рингу, который в смерти повинен, грохнуть из обреза. И ведь, зараза, так складно грузила, что почти повелся, как заору вроде какого-то Франкенштейна: «Адрес давай!». Не буду вам, мужики, тюльку травить, пошла она поссать в Свердловских пригородах, я от греха подальше как газанул!..

И опять наградой рассказчику был дружный смех.

Застиранное пятно на скатерти напомнило Эрнсту карту Луны, но сейчас он совершит экшн не под гнетом полнолуния. Спрятав «Мальборо», Эрнст украдкой проверился, не изучает ли кто-нибудь из шоферни его чересчур пытливым взглядом, остался доволен результатами наблюдения и тоже порулил на выход. Между делом снял с вешалки дождевик вороньего цвета и ввернулся в рукава.

– А про «раковую автоколонну» слыхали?

– Ты не мучай Муму, ты рассказывай, а мы остановить успеем.

– Ну так вот, Толян, который под Олимпиаду женился на диспетчерше из Набережных Челнов, однажды присоседился на трассе к колонне, а было это еще в девяносто четвертом, когда по дорогам шалили. Вот он такой довольный до привала в хвосте и прокуковал. Дальше, понятно, на стоянке хлопцам проставился, те завелись и загульбанили всей кагалой. Шлюх строили, кто кого на трассах перетянет – забивались, все по полной.

– А трасса?

– Толяну втерли, что у них все ГАИ по пути привороженные. И вот утром продирает он глаза фиг знает в каких кустах, во рту поганки цветут, жить не хочется. Слышит, что колонна этак скоропостижно уже отчаливает, и последний хлопец передает привет: «А ты знаешь, с кем бухал?», «Это с кем?», «Это „раковая колонна“, все в ней – мертвяк на мертвяке, от рака поджелудочной железы или печени свернувшие копыта. И теперича ты – наш! Месяцев через пять ждем, тогда уже сам нас найдешь». Пошел Толян проверяться к врачу, а тот глаза

прячет. Короче, могила Толяна под Набережными Челнами, только покоится ли он в гробу, или с новыми друзьями где колесит, я проверять не собираюсь.

– Слышь, тебя, кажется, Васькой зовут, а вот ты прикинь, ведь тоже к нашей колонне прилип, киряем сейчас от души... откуда ты знаешь, что утром от нас похожее поздравление не услышишь?

– От верблюда, – тут же насупился рассказчик...

Ночь встретила Эрнста фон Зигфельда привычной болотной сыростью, и нюх тут же обострился. Следы отчалившего Фрязева Эрнст угадывал почти зримо, цепочка запаха огибала сарай и стелилась по ныряющей в ельник тропинке. С обострившимся нюхом пришли привычные боли – организм начал физиологическую перестройку.

Эрнст уже не топал вразвалочку, а мерил тропку легкими балетными прыжками, мертво бликующий в сыворотке тумана плащ еле поспевал, вкрадчиво шелестя полами. Еловые лапы отвешивали пощечины, но этой боли Эрнст не чувствовал, гораздо злее его корчила боль зубная.

Дешевый спирт Фрязев не успел уйти далеко, под ногой Эрнста некстати крикнула прошлогодняя шишка, Фрязев оглянулся, узнал и не узнал настигающего... Однако, пусть Костик являлся дрянь человечешком, у него случился приступ смелости. Кроме того, агент оказался вооружен – навстречу Эрнсту взмыла рука с пистолетом.

– Стой на месте! – истерично взвизгнул агент, и взятой ним высокой ноте вполне могла бы позавидовать мадам-халдейка. – Или я стреляю!!!

Эрнст, конечно, не остановился, «как кстати в кафе играет магнитола, никто ничего не услышит».

Грохнул выстрел, пуля вошла в Зигфельда между третьим и четвертым ребром с правой стороны грудной клетки и вскипятила легочную ткань. Но и пуля – ведь откуда взяться у Фрязева серебряной – не смогла тормознуть фон Зигфельда.

– Я обещал, – просвистел дырочкой в правом боку, словно ежик резиновый, фон Зигфельд, – что тебе ничего не грозит ПОСЛЕ операции. Я не соврал!

Вот он уже рядом с жертвой, левой лапой отбил утяжеленную пистолетом руку, и клыки сомкнулись на шее агента, такой же бледно белой, как шея у кафешной дамы...

Антииеромонах обер-вампира дракульского толка Эрнст фон Зигфельд убил своего подопечного, но очень не рад был бы Эрнст, если бы этот поступок стал известен кому-нибудь из соратников по восточной инферн-группе войск «Старшая Эдда». А до третьих петухов оставалось два часа пятьдесят одна минута.

Глава 2

Пойдете на корм, но не рыбам

*Там живут несчастные люди-дикари,
На лицо ужасные добрые внутри.
Что они ни делают, не идут дела.
Видно в понедельник их мама родила.*

Ночная сырость пробирала до дрожи, но искать место под утлым навесом среди впопалку храпящих невымытых сограждан очень не хотелось.

– Это банши из ужастиков, только наяву! – Почти скулил Антону на ухо оседлавший соседнюю кочку незнакомец в рваном и отчаянно грязном кашемировом пальто, – Эта нерусская дрянь вопит так, что кровь стынет в жилах. Да что там кровь?! У моего «мерсюка» мотор заглох, так они меня и повязали. Я поехал присмотреть место для шашлычной на кольцевой, оказался... обделанный по самое грызло. А ты здесь какими судьбами?

Антон слушал вполуха, его коробил запах, который источала его же недубленая шкура: комары и гнус на русском Севере готовы высосать подчистую любую мишень, пришлось тщательно разжевать последнюю сигарету и намазаться доморощенным репилентом.

– Банши? – тяжело вздохнул Петров.

– Банши, винт им в грызло, банши. Нам тут один ботаник, которого потом за лишние мозги уволокли долой отсюда, втолковывал, типа в гороховые времена это были ангелы, которых по западлу кинули забытые боги. И типа сначала, получив отставку, эти дамочки крутились возле везунчиков, которых смерть отпустила погулять. А потом красавицы пошли вразнос, и стали стопудовым гарантом оверкиля, понятно, для тех, кто их видит.

Насчет гарантии оверкиля Антон бы еще посомневался, не умел он пасовать даже поставленный к стенке перед взводом снайперов. А вот насчет того, что получил возможность воочию наблюдать именно баншей, Антон Петров уже не жужжал. Их – небольшую группу случайных смертных товарищей – «посреди ночи и леса» пасли умопомрачительные платиновые блондинки, ряженные в кружевное нижнее белье всех оттенков белого.

Ежу понятно, Антон угодил в плен не к родным и закадычным, уже пару месяцев охотившимся на него, врагам-финансистам, а черт знает, к кому, но душу сие открытие не грело. Причем, «черт знает» в контексте ситуации являлось отнюдь не фигуральным выражением, и только демоническими усилиями воли Антон Петров сдерживался, чтобы не завопить «Чур меня!!!».

По сути это был концлагерь, только без колючей проволоки, здешние конвоиры не испытывали в колючке брезгливой необходимости, имея в арсенале средства с гораздо большей эффективностью. Антона и еще где-то полтинник схожих горемык содержали внутри выложенной из гранитных глыб окружности, кстати, старательно копирующей памятник друидской архитектуры Стоун Хедж. Дюжина прельстительных красавиц-баншей, шурша откровенными кружевами и куртуазным шелком, грациозно перепархивала с одной глыбы на другую в безмолвном хороводе. А над всем этим, в смачном фиолете ночного неба, возвышался нереально сверкающий огнями – будто кремлевская елка – самый что ни на есть готический, замок.

Можно было поверить, что такой подиумно-фривольный сейшн – шуточки поехавшей крыши, но в институте Антона накачали разными прикладными знаниями, и среди прочих тремя способами отличать реальность от бреда, подробности опустим. Так вот все это – банши, концлагерь, замок – происходило наяву!

– И все-таки, брателло, как тебя сюда угораздило? – набивался товарищ под драным пальто в друзья. – Кстати, меня Серегой зовут.

– Познакомился с девицей...

– Из этих? – кашемировое пальто кивнуло на ближайшую не ведающую гравитации красотку.

Чудо как хороша, кудряшки пышной грозовой тучей, бюст Мерлин Монро, а стройные, как Останкинская телебашня, ноги упакованы в зефирные гольфы с подвязками. Прелестница примагничивала взгляд напрочь, только вот либидо оставалось к картинке напрочь равнодушным.

– Другая. Та в гигантскую гадюку превратилась, я, конечно, растопырился морской звездой, но она мигом скрутила руки-ноги.

– А ты знаешь, зачем мы здесь? – Серега явно претендовал на должность покровителя.

– Ну?

– Ботаник объяснял, мы типа батареек «Энерджайзер» для здешних гоблинов. Наши муки выцеживают и из них льют типа пули для стрельбы по доллару: чтобы евро поднималось, а доллар падал. На ужине не пей компот, в него добавляют какую-то гадость, чтоб мучения оказывались еще горше. В натуре, самым грубым колдовским образом соки из нас выжимают. Мы им нужны, без нас они – фуфло канделяберное! Слышь, ты, я вижу, парень бойкий, – перешел к делу Серега, и глазки его предсказуемо-воровато забежали. – А у нас ком-пашка нормальных пацанов нарисовалась, как хавку начнут раздавать, рискнем на рывок...

– Всякой твари – по репе?

– Идея лучше, чем оказаться жертвой влажной уборки! Мы им нужны, а не они нам, без нас они фуфло отцеженное.

Может, это и был единственный шанс убраться из фантастического концлагеря подобру-поздорову своим ходом, но Антона жизнь учила не доверять предложениям с бухты-барахты. То есть похоронить вакансию на побег следовало оперативно и без скандала.

– Банши, говоришь? Во времена, когда боги смерти служили верховным богам, у них тоже были свои ангелы. Приближенные слуги будущих повелителей мертвых должны были наводить ужас на паству, заставляя людей усерднее молиться и жертвовать на храмы. – Речь Антона журчала плавно, словно вода из исправного крана, сам же Антон смотрел не в глаза собеседнику, а на заслоняющий полную луну могучий замок. Мало-мальски логичного объяснения, откуда в российской глубинке возникло готическое диво, у Антона так и не появилось, – банши были среди этих ангелов. После предательства верховных и падения повелителей смерти часть таких ангелов была уничтожена, что вызвало ликование паствы, часть перешла на службу к новым хозяевам. Их способности были востребованы, банши повезло.

– Братан, чего это с тобой? – осторожно отодвинулся Серега в рваном пальто.

Врубивший технику слива скользких контактов Антон продолжал витийствовать с видом торгового агента российско-канадской компании:

– Темный дар пророчества позволял ей видеть будущую смерть каждого нового хозяина и вовремя уходить от него. Иметь на службе банши значило быть уверенным в собственном завтра, и привлечь новых союзников, слуг и почитателей. Поэтому ее берегли и лелеяли. За тысячелетия она считанные разы бывала в битве, и ее способности не могли не деградировать. Настал момент, когда она начала совершать ошибки, и ее слава живого талисмана быстро превратилась в свою противоположность. Банши стала символом проклятия и проводником смерти, – лечил Антон Петров, как по бумажке.

– Че, крышу конкретно сорвало? – взмыл с точки и отступил на шаг Серега, даже забыв отряхнуть от налипших песчинок колени.

– Лишенная хозяйина, банши влилась в ряды избранных, когда их сила клонилась к упадку. Ее ночной полет всегда несет смерть, а ее крик заставляет живых вздрагивать от

ужаса и замирать в неподвижности. Лидеры избранных любят прибегать к помощи Банши, ибо она способна сделать то, что никто другой не сделает, но они же стремятся избавиться от нее, когда дело закончено. – Пока наш друг Петров молотил всю эту, как бы так мягко назвать... словесную контрацепцию, евоный аналитический дар мытарило другое. Конечно, ориентированию на местности его учили не бугры из «Альфы», но азы «чуть выше среднего» он усвоил. И вот результаты визуального наблюдения – по стратегическим параметрам ситуация – «Гвоздь в гроб», местоположение – как прежде Карелия, рекомендации к дальнейшим телодвижениям – повадка «Раненый на 90% уссурийский тигр».

– Так ты тоже – ботаник!? – навесил ярлык, сплюнул и потопал на другой край огороженной камнями территории товарищ в кашемире.

– Это разумно, это правильно, – тут же присел на освободившуюся кочку новый гражданин. Мужичонка, кутающийся в засаленную телогрейку без пуговиц. – Зачем, не жрамши, ноги беспокоить, когда все едино отсюда попробуешь сбежать – и голый Вася?

Антон прикинул, что второй говорун по повадкам менее опасен, и если подскажет, что в этой неволе к чему, беседа окажется только полезной:

– А ты, мил человек, давно здесь? – изобразил Петров, что в принципе не сторонится знакомств.

– Вторую неделю кукую. Соседка у меня повесилась, а баба не чужая была. Наш поп уперся, дескать, ни в жисть самоубийцу на кладбище хоронить не позволю, вот я ночью и потопал могилку копать... а очухался уже здесь, и голый Вася.

Если этот тип хотел себя выдать за лапотный народ, то только лишний раз напряг Антона. Петров зуб был готов дать, что так в среде аборигенов не «гутарят». Грубо косил новый знакомец, вот только зачем?

– И что здесь за распорядок?

– Ты, когда жрать принесут, компот не пей. Только все одно света белого не увидишь, не пугайся, я в смысле – днем мы на травке колодами мертвыми лежим, вся житуха только по ночам, чистое колдовство. И даже не спим днями-то, просто будто нету нас. По научному «коллапс», а по нашему «драбадан».

Упоминание научной фени не могло не вызвать у Петрова грустной улыбки, ведь он влип в эту историю, убегая от прошлой жизни. Серега-шашлычник не ошибся в ярлыке, некогда Антон Петров был истинным ботаником из ботаников, только в закрытом институте, курируемом ГРУ. Проще говоря, Антон Петров являлся крепким спецом по ядам растительного и животного происхождения, и когда институт задышал на ладан от скудного финансирования, одним результатом одного опыта Антона заинтересовалась одна мощная финансовая структура. Эти банкиры успешно подминали заводы, порты и чиновников, но с Петровым нашла коса на камень...

Концлагерь всколыхнуло некое оживление, из под навеса стали выбираться грязные людишки, вычесывая пятернями из волос солому. Кстати, по женскому полу здесь присутствовало полное отсутствие. Может быть, банши отказывались сторожить пленный прекрасный пол из женской солидарности?

– Если жрать хочешь, держись меня, – новый товарищ, показательно-вульгарно кряхтя, встал на ноги. – Только компоту ни-ни, а то – голый Вася! А режим здесь – не бей лежащего, и кормят на убой. Солнце садится, мы приходим в себя, потом на лошади пару бочек воды привозят, кто желает – переходит к водным процедурам.

Что было с ним после того, как гигантская обольстительница-змея попутала, Антон Петров тоже не мог вспомнить. Он очнулся здесь, и даже всуе определил, что провалялся «под наркозом» всего пару часов, а не суток, только по фазе луны и отсутствию сосущего чувства голода. В этой части особых противоречий с личным опытом в повествовании мужичка он не ущучил.

А ведь как мило обхаживали перспективные друзья-финансисты Антона в охоте за его открытием. Первое их телодвижение заслуживало пять баллов без оговорок: хотя сам Петров считал свое открытие забавным пустячком, и не афишировал, денежные тузы заслали публикации в иноземные научные журналы. На Антона посыпались реверансы от именитых лабораторий... да что там – цитировать и ссылаться на «эпохальный труд молодого русского ученого» чуть ли не вошло в моду у этих долбанных европейских бакалавров. И тут же, а ля «между прочим», в дверь позвонил а ля «продюсер»...

На вытопанную проплешину в центре каменного кольца двое не выделяющихся лампасами из массы пленников – правда, была в шестерках некая халдейская гордость – вынесли огромный армейский термос и богатый прорехами полиэтиленовый мешок с гремучей посудой. Послушники вернулись к каменной ограде и оттуда следующим транзитом принесли внушительную бадью. Банши процедуре не препятствовали.

– Держись меня, не пропадешь, – засуетился мужичек и принялся подталкивать Антона к скапливающейся вокруг плешки толпе. Откуда-то в руке персонажа появилась выдавшая виды алюминиевая ложка.

– Звать-то тебя как, человек из народа?

– Иваном и звать, ты про компот не забудь.

Подсобники нашли ровное место для бадьи, осторожно, чтоб не расплескать содержимое, опустили груз на утопанный песочек, и тут из толпы каждому навстречу катапультно вылетело по увесистому кулаку... Носильщики синхронно брыкнулись оземь. Оперативность нападавших внушала уважение, тут же в толпе выбывшим нашлась замена, и вот уже двое дублеров, как ни в чем не бывало, отправились забирать от входа последний бачок с пресловутым заряженным компотом. Один из парочки – тот самый Серега в драном кашемире.

Банши, очевидно, ничего не заметили, озабоченные только красотой фигур пилотажа порхали себе с камня на камень, словно ночные бабочки. Ах, как они были великолепны. И та – с прической, будто радужно-мыльная пена, и та – в люминисцентных трусиках «нитка для чистки зубов», и эльфически-немогущий подросток с фосфоресцирующими сквозь комбинашку сосками. Это было ни капельки не сексуально, просто красиво, жутко красиво...

От навеса на дозволенное расстояние, работая под скучающих зевак, к выходу приблизились еще трое заговорщиков, лениво и безобидно, даже как-то буднично, развернули припасенные тряпки, лениво заложили в них загодя собранные щепенины, и тут уж все пока-тило по ускоряющей.

Лихо завертелись в руках троицы самопальные пращи. Запущенные камни было не разглядеть, но три ближайшие надзирательницы взвизгнули не по девичьи. Радужно-мыльную прическу сполоснула кровь малохитового-ядовитого цвета. Банши-подросток станцевала пирует, словно причастившийся дозой фумигаторного токсина комарик.

Вся компашка заговорщиков ринулась на прорыв, каждый из героев даже успел сделать два-три прыжка в сторону маячившей в пустотах стоун-хеджевского дизайна свободы. Но дальше крик, убедительно похожий на пожарную сирену, швырнул и этих, и прочих пленников навзничь.

Антон на будущее только фиксировал мир, данный нам в ощущениях, и вот его оценка – акустический контрудар сработал не хуже прямого под дых от мастера международной категории по боксу. Отплевывая набившийся в рот песок, Антон с карачек попытался увидеть, что же будет дальше.

Дальше ничего интересного уже не происходило. Заговорщики кое-как соскребли себя с глинозема и, поджав несуществующие хвосты, вернулись в контингент. Банши запорхали с камня на камень в прежнем ритме, малахитовую кровь испарил лунный свет, а на входе нарисовались уже печально знакомые Антону двое милиционеров и решительно направи-

лись в центр концлагеря. Их обыденно-затрапезный шарм стоил приличной улыбки, но Петрову было не смешно, лучше бы он оказался два месяца тому в пахнущих долларами лапах прежних преследователей, от добра добра не ищут.

Один из пытавшихся сбежать упал на колени и принялся молиться, яростно крестясь, будто выщупывая вшей, сдувшийся Серега стал прятаться за чужие спины, его отталкивали, его пинали под зад – не могли простить общую пытку демоническим воплем. Он, словно укушенный мухой це-це, кричал: «Мы им нужны, без нас они фуфло пафлюжное!», его не слышали. Короче, кутерьма уже тянула на фарс.

– Хочешь, будем на пару бачковыми? – хитро улыбнулся Антону земной человек Иван.

– Что? – после звукового залпа у Петрова еще крепко сидели бананы в ушах.

...От «продюсера» по биохимии Антону, как он тогда верил, удалось откреститься безболезненно. Вовремя сообразил, что его фаршируют, вовремя спрыгнул... Но далее в его жизни настал глубокий прайм-тайм. Надо оценивать себя здраво – тридцать два года, умеренно мобильный бабник, конечно, всегда есть та, которая с утра посуду на кухне моет, конечно, свыше, чем две параллельные подруги, это чересчур... и тут он втрескался по кингстоны, словно цельная личность. Вплоть до трехчасового патрулирования у подъезда с букетом задушенных гвоздик, вплоть до ужина в ресторане на всю зарплату, вплоть до дрожи в поджилках. И ведь огреб взаимность по полной. Не передать посторонним, что они вытворяли с раскладным диваном. Диван кипел и пылал, и это самые пресные откровения. Они вывернули диван наизнанку, они взрывали подушки и превращали простыни в мускусный пот. А потом она вдруг: «Мой прежний парень требует откат...» И пожелтели осеннее глаза Антона, не пацан, прокумарил, что влип в мельницу... Кстати, Настя стала первой жабой, которую открытие Антохи превратило в навсегда спящую красавицу...

– Я говорю, давай на пару кормовые бачки носить, какое ни есть развлечение. К тому же бачковых высасывают последними...

– В смысле?

– А ты думаешь, на фига нас здесь мурыжат? Это не тюрьма, а загон для скота. Нас пасут, а дальше приходит голый Вася и хлещет нашу кровь галлонами из яремного горлышка. Компот потому и пить нельзя, что он морковный. В морковке уйма каротина, а каротин ужас как для крови полезный.

Но не за мятежным Серегой, как выяснилось, явились двое настырных приятелей в серой форме. Разрезав толпу, будто торпеда зыбь волны, они вышли на Антона с точностью наводки по спутниковому маршрутизатору.

– Кажется, ты здесь нашел друзей, – оскалился страж порядка, защелкивая наручники на руках Антона, – попрощайся.

* * *

Служивые конвоировали Антона вполне земным порядком, один спереди, другой сзади, елки расступались, а готическое диво с островерхими башнями росло и росло в масштабе, пока не заняло половину обозримого мира. Замок никак не мог быть декорацией, сквозь узкие бойницы пробивался вполне реальный свет, где старомодно факельный, а где и лабораторно неоновый, по каменной кладке ползли вверх лохматые бороды дикого хмеля, а в щелях меж камнями ютился седой мох. Только вот ведущая к памятнику зодчества дорога, с честными колдобинами и лужами, не украшалась обычными для глубинки колеями.

У подъемных ворот порядок движения конвоя вдруг был нарушен. Из ниоткуда посреди дороги возник студеный вихрь, закружил юлой и хлестнул по троице доподлинными колючими снежинками, в центре вихря материализовался импозантный человеческий

скелет верхом на олене (со сломанным правым рогом) и величественно приложил к челюстям нечто вроде пионерского горна.

Лимит удивления Антона был благополучно исчерпан еще при знакомстве с женщиной-змеей, так что теперь он, отодвинутый на обочину, созерцал зрелище вполне философски. Ну и, конечно, все пытался сообразить, какого лешего он понадобился этой сбежавшей из Голливуда нечисти.

Горн издал очень похожий на парафраз похоронного марша стон, дальше все происходило в гнетущем безмолвии. Решетка на воротах поползла вверх, и всадник направил однорогого оленя в открывшийся зев, а следом за глашатаем из плюющегося стужей и снегом буранного ничего стали являться понуро бредущие след в след граждане, экипированные по военной моде времен раннего средневековья, и большей частью в окровавленных бинтах. В пышных усах бойцов блестели и таяли льдинки. У тех, кто без шлемов, таяли льдинки, влипшие в бурную шерсть на необычно для банальных смертных островерхих ушах. Таял снег, набившийся в складки одежды, и бинты на ранах впитывали влагу.

Кто-то опирался на копье, кто-то шкандыбал, используя щербатый щит вместо костыля, и у всех бойцов, а числом их было порядка тридцати, наблюдался характерный вид побитых собак. Замыкали отряд двое аналогичных остроухих хлопчиков, запряженных в волокушу, на которой тряслось по колдобинам пятеро уже стопроцентных мертвецов. Даже сделав скидку на пикантный расклад, Петров в окончательной смерти пятерки не сомневался, покойнички буквально искупались в крови, но никто не позаботился потратить бинты и на их раны. И колючий снег на транспортируемых не таял.

Процессия втянулась в замок, конвоиры вспомнили про Антона, правда, по их кислым мидам не трудно было догадаться, что произошла большая неприятность. Антона, срывая злость, пихнули, он покорно двинул в пасть неизвестности вслед за «похоронной» процессией.

Не совсем вслед, сразу же за воротами все строение оказалось обшито деревом, даже внутренний двор был щедро уложен манерным паркетом, мокрые следы свернули направо, конвоиры же втокнули Антона во вторые слева полукруглые двери и повели крытой галереей вдоль череды мозаичных панно – тоже из невообразимого многообразия буков, берез, ротана, финика, палисандра, яблонь и кипариса... И если экспромт о баншах Антон выдавал шашлычнику на общеобразовательном уровне – честно признаться, его осведомленность в международной мифологии была на уровне популярных журнальчиков, то в силу профессии в сортах пошедшего на обшивку дерева он разбирался прекрасно. Более того, его знаний хватало, чтобы считывать заложенные здесь друидские фишки.

Двери из дуба-бейца дарят проходящим сквозь них выдержку и волю, подавляют привычку отходить от ранее принятого решения и настраивают всегда добиваться поставленной цели.

Выгнув зады пистолетами, закутанные в муаровые шелка крепче мумий дамы курили у самшитового подоконника:

– Опаньки, – поленившись заметить проходящий мимо конвой, хлопнула в ладошки одна. – Теперь покатит горькая пьянка, будут наши мальчишки зеленым вином полоскать раны телесные и душевные. А ведь я предупреждала, что сначала у маэстро Снега и капельдинера Льда соизволение на операцию спросить надобно.

– Так тебя и послушали, – выдохнула ментоловое облачко вторая, с зататуированными до синевы кистями рук. – Если ты такая умная, почему губы не красишь?

– Хочешь мне испортить настроение? Так уже испортила. Сделала доброе дело, вали отсюда смело. Вечная секретарша!

– Девочки, не сортесь! – Хрипло урезонила подруг третья фифа, травящаяся кондовым «Беломором».

Дальше подслушать не повезло, по пересекающему галерею ходу прогромыхала деревянными остроносыми обувками свора то ли карлов и карлиц, то ли искренних гномов, вооруженных флейтами из берцовых костей, костяными банджо и барабанами, обтянутыми подозрительной шкурой.

Пол из черноплодной рябины – настройка на легкое привыкание к изменениям обстановки и усиление чувства ответственности. А вот в изображенных на панно сценах охоты все чаще вкрапливаются вставки из орешника – глубоко колдовского сырья.

Из раскрытой двери донесся обрывок вполне мирной беседы:

- У нас чай, оказывается, кончился.
- У меня есть лишний пакетик, только он с привкусом цитруса, будешь?
- На халяву и цитрус сладкий...

Петрова завели в мрачную каморку, указали на ольховую лавку с ворохом холщового шмотья.

- Переодевайся.
- Это не мой фасон.
- Переодевайся!
- Это не мой размер!
- Переодевайся!!! – конвоиры синхронно положили руки на резиновые палки-аргументы.

– Браслеты снимите, – сдался Антон. Он в очередной раз сожалел, что вовремя не сдался на милость преследователей-финансистов.

После облома с Настей те взялись за несговорчивого ботаника всерьез: прикиньте, старшему научному сотруднику вдруг предлагается стать директором филиала НИИ, далее назначается беседа с типом, отрекомендовавшимся, ни больше, ни меньше, советником президента. Помпа, лимузин к подъезду, конфиденциальный ужин в ресторане (одни на весь зал), и Антон от большого ума невзначай капнул этому балагуру в фужер сыворотку правды. Во-первых, оказалось, что обхаживал Петрова никакой не представитель президентской команды, а далее открылись такие секреты, что «рубль вход, миллион выход»... Вот с этими знаниями Антон прямо из ресторана и сделал ноги...

Антон повел плечами, принаравливаясь к новому обмундированию и увял, сообразив, почему милиция не торопится навесить ему обратно наручники. Холщевая одежда вполне и сама справлялась с функцией тюремщика – магическим образом мудро сковывая любые чуть более смелые телодвижения.

И снова галерея с мозаичными панно. От сцен охоты сюжеты перешли к сценам пыток и казней-аутодафе, все чаще замелькали фрагменты каспийской черемухи (подчинение и покорность), серебристого тополя (страх перед неизвестностью) и мореного инжира (подавленность).

Навстречу продефилировало два бородатых типа, одетых вполне прилично, если считать нормальным, что у правого на футболке шиковала большая буква, как на женском туалете. Антон жадно уловил лишний обрывок разговора.

- ...Все равно мы ломаем саму идею крупного транспортного узла, не сегодня, так завтра. Северу не быть русским, вон – Антарктиду они уже почти сдали.
- Да, но печальный итог операции «Север-Норд»...
- Только повод проанализировать ошибки! Одну из ошибок я уже вижу отчетливо. Мы упускаем символическую сущность снега, а ведь снег – это в дочеловеческой магии квинтэссенция смерти. Прежняя раса, которая стерла с лица планеты динозавров...

Дальше Антона ввели в умеренно благоустроенный кабинет: массивный стол из белого дуба, на столе вдоволь всякого хлама, самая диковина – лакированный человеческий череп.

Стены обшиты гобеленом, какое под ним дерево – не угадать. А вот стул для «посетителей» все из того же несправедливого орешника.

Антон под руки усадили на дежурный стул, и он почувствовал, как холщевая дрянь взялась за него всерьез, не только бровь не позволила почесать, а даже дышать давала с большим одолжением. И все таки Петров в меру сил срисовывал обстановку.

Кроме зияющего пустыми глазницами черепа пленник отметил на столе обгоревший по краям пергамент с гримуарной латиницей, пачку «Орбита» без сахара и безжалостно лысую зубную щетку. А еще здесь ждали внимания какие-то распечатанные и сброшюрованные доклады, какие-то мази в венецианского стекловыдувания баночках и изгрызенные зубочистки. А в углу кабинета на колченого-трехногой вешалке кормил моль парадный (без вопросов), весь в золотых муляжах, мундир из черного шерстяного сукна. Шевроны стилизованы под ножовочное полотно, на обшлагах пиратские косточки, на вполне эсесовской фуражке вместо кокарды золотой скарабей – насколько Антон любительски врубался: салют Гермесу Трисмегисту, покровителю всяческой магии.

– Тебе позволено отвечать на заданные вопросы, запрещается вставать с места, подавать жалобы в устной и письменной форме, просить снисхождения, поминать православного бога и сотворять крестное знамение, – казенно отбубнил один из конвоиров. Вторым в это время высыпал в общую кучу хлама на стол вещицы, которых Петров не досчитался в карманах, очнувшись в стоунхеджевском концлагере.

Возникла дурная пауза, которую Петров посвятил все тому же разглядыванию территории. Теперь он уделит внимание и отгороженному начальственным столом креслу. Тоже готическое, резными химерами оно крепко косоло под собор Нотердам де Пари, и автоматом в мозгах Антона зазвучал заезженный лазерник с одноименным мюзиклом. Петров мысленно поставил двадцать копеек, что хозяин этого бедлама – жутко похожий на Квазимоду горбун.

Но вот скрипнула дверь, и спустя пару ударов пульса вошедший стал видим лишенному удовольствия вертеть головой Петрову. Длинный костлявый заостренный подбородок, постоянно поднятые уголки губ, крючковатый нос, но не горбун. Антон сам себе проспорил двадцать копеек.

– Что это вы по росту построились? – через голову Петрова аукнул вошедший конвоиров, устраиваясь в кресле. И, мельком взглянув на Антона, черт возьми, конкретно облизнулся.

Милиция шутку не поддержала:

– Операция «Север-Норд» накрылась. – Не то, чтобы это прозвучало давяще-трагично, но и умеренно похоронного тона хватило остудить атмосферу.

Вошедший посуровел:

– Кардинально?

– Чтоб мне крест носить!

– Потери? – снова чиркнув взглядом по Антону, хозяин кабинета, черт побери, опять облизнулся.

– Пятеро навсегда и трое без вести.

– И было у отца три сына, двое умных... – ни к кому не обращаясь, загадочно резюмировал костлявый подбородок, – Ладно, бойцы, свободны.

Дверь не хлопнула, но Антон был готов поклясться, что они остались в кабинете только вдвоем.

– Итак, Антон Владленович Петров собственной персоной? – хищно прицелился в Антона крючковатым носом хозяин кабинета.

Антон вместо ответа заерзал шеей в попытке оглянуться на тему «Куда делись серые товарищи?», но холщевый воротник нагло распрямился до скул и не пускал ни в какую.

– Не дергайся, – надменно отчеканил хозяин кабинета, – сие были одноразовые големы⁴. – На самом деле Эрнст фон Зигфельд испытывал легкий мандраж перед предстоящим разговором, что-то вроде, как на первом свидании. Увидев пациента воочию он был вынужден послать к едреням заранее проархитектурный план беседы. По визуальной оценке Зигфельда с этим клиентом игра в «давайте договоримся» оказалась бы ошибкой стратегической, а свежую тактику присобачить к ситуации Эрнст еще не успел.

– ?

– Не морщи зря лоб, смертный, одноразовые исполнители создаются из праха для решения простой задачи, и по ее выполнении возвращаются в прах, – хозяин кабинета, кажется, играл с Петровым, как кошка с мышкой. – Эти служаки были созданы в твою честь и по твою душу. Я бы на твоём месте сейчас крепко задумался о другом, уважаемый Антон Владленович.

– Здесь какая-то ошибка, – инстинктивно почувствовав, что лучше не смотреть в глаза хозяину кабинета, Антон уставился на ботинки, шнурки которых не сами по себе исчезли еще при захвате на дороге. – Да, меня зову Антон, и фамилия у меня – Петров. Только отчество – Викторович. Да, признаюсь, ваши... големы поймали меня, когда я скрывался... Но не от вас ведь скрывался. Я не знаю, куда попал, и не очень спешу узнать, ведь «многие знания – многие печали», я хоронился от вполне обычных бандитов, только с очень большими деньгами... – нечаянно взгляд Антона задел лацкан вальяжно развалившегося напротив шустрика, и, как продвинутому биологу, пленнику не понравилось ржавое пятно – характерный след брызнувших эритроцитов.

Хозяин кабинета презрительно хмыкнул и стал перебирать изытое у Петрова развеянными големами. Правду говоря, Зигфельд так и не сподобился выстроить план «вербовки», и его педантичная душа уже бунтовала.

Зигфельд между делом засек взгляд пленника, посвященный парадному кителю. Конечно, было бы куда внушительней, если бы Эрнст явился пред очи смертного не в пахнущем ночным лесом плащике, а при полном военном параде. Но ведь не мог же он, даже ради знаменитого Петрова, отложить встречу с провокатором Фрязовым, та ситуация зашла слишком далеко...

– По паспорту ты даже не Антон, а некий Александр Логачев... – Эрнст, будто карточный шулер, красиво процедил сквозь холеные пальцы реквизированный паспорт, – только работа дружка, который смаклячил фальшивый мандат, халявная. По эмвэдешным распоряжкам номер паспорта имеет четкий отсыл на место выдачи, у тебя же серия «сорок – ноль два», а местом выдачи указан Звенигород, хотя эту серию ксив выдавали исключительно в Питере.

– Я и не пытаюсь закосить под Александра Логачева, сознаю, что угодил в клетку к опытным людям-нелюдям. Я – Антон Петров, только не Владленович, я же объясняю, мне пришлось скрываться...

– Тут и не такие сознавались, – почти добродушно остановил Антона хозяин кабинета, – Ты не пообедал на «помидорной грядке», есть хочешь? – Эрнст облизнулся в третий раз, от предвкушения у него трепетно-счастливо раздувались ноздри.

– Работа под «добраго следователя»? – признаться честно, Антон тоже не успел придумать, чего он добивается глупой отпиранием.

Определим так, для начала Петров был не прочь сбить этого расфуфыренного кривоносого блондинчика с накатанных рельс. Авось удастся вывести из равновесия, авось сболтнет этот inferнальный эсесовец не предназначенное для Антоновых ушей. Конечно,

⁴ Обозначение человеческого существа, искусственным путем созданного из мертвой материи магией или алхимией. Детали этой процедуры занимают двадцать три столбца в томе инфолио и требуют знания “алфавита 221 ворот”, который надо повторять над каждым органом Голема. На лбу у него надо начертать слово “Эмет”, означающее “истина”.

Петрова учили на институтских факультативах и другим техникам. Например, отвечать односложно и перед каждым ответом выдерживать пятнадцатисекундную паузу. Но в мире самоликвидирующихся големов такая методика казалась чересчур наивной.

– Это ваши – мирские – приемчики, поверь, в моем арсенале есть более эффективные средства убедить тебя перестать выкобениваться. Ты – Антон Владленович Петров, бывший старший научный сотрудник Псковского закрытого научно-исследовательского института прикладной биохимии. Месяц и двадцать восемь дней тому в нидерландском журнале «Био» появилась интервью с начальником твоей лаборатории. Истинная и не афишируемая причина публикации – одним вашим открытием заинтересовалась служба безопасности вертикально-интегрированной компании «Ред-Ойл», – ублаженный маникюристами ноготь мизинца рассредоточил страницы и остановился под интересной строчкой в распечатанном докладе. – Месяц и пять дней тому умерла от сердечной недостаточности твоя близкая знакомая Анастасия Медведева двадцати двух лет от роду.

Второй рукой Эрнста завладела расческа Антона, кстати, тоже деревянная, и тоже из почитаемого здесь орешника. Эрнст хитро ухмыльнулся и поднял следующий предмет – обрывок билета в питерский ботанический сад (Антон этот клочок ни в чем не компрометировал). А вот интересно, отметил ли блондинчик, что у Петрова отсутствовала такая деталь туалета, как мобильник? И задал ли себе вопрос – почему?

– Девятнадцать дней тому тебя из квартиры увез лимузин белого цвета с номером «Бэ шестьдесят четыре – семнадцать Ви Пи», и домой ты уже не вернулся. И все это происходило вокруг твоего случайного открытия: из тычинок черного тюльпана сорта «Изида» ты выделил растительный яд с весьма интересными характеристиками. В частности, после приема внутрь яда вместе с иным пищевым продуктом, содержащим сахарозы или фруктозы до двадцати одного процента, летальный исход наступает с точностью до минуты в то же время дня и ночи, только аккуратно через неделю, уважаемый Антон ВЛАДЛЕНОВИЧ Петров. Красивая сладкая смерть.

– Ваша взяла, я – Владленович, но ведь должен же я был хотя бы попытаться задурить вам голову. – Антон собрался сменить методику ведения диалога. Теперь свои реплики он будет строить на фундаменте симпатии и уважения. А минут через двадцать опять поменяет стиль, пока не выбрал, на какой. Риска перестараться нет, «по одежке встречают», и многое в дальнейшем житье Антона зависит от этого белобрысого эсесовца, любящего украшать стол человеческими черепами.

– Действительно, почему бы и нет? Как известно, в начале всего сущего было слово, хотя и всего лишь из трех букв, – обозначил шутку минимальным искривлением уголков губ Зигфельд. Кажется, он нашел выход из тупика и отныне будет играть на самоуважении клиента. Только торопиться не надо...

– Вы шутите, не смотря на то, что у вашей конторы накрылась операция «Север-Норд»?

– А вы хамите, потому что решили, будто нам нужен ваш яд?

– Это не единственный предмет для торга. Мои условия – я вам отдам формулу яда, а вы мне обеспечите свободу и защиту от гоняющихся за мной рэд-ойлов.

Эрнст фон Зигфельд сунул в зубы нулевую зубочистку и посмотрел на пленника почти с любовью, может, чуть-чуть гастрономической:

– Я думаю, до третьих петухов есть еще около часа. Поэтому приглашаю вас на прогулку в ближайшую рощу, там мы сможем побеседовать спокойно, а то здесь на вас, кажется, стены давят. Или вас достает друидская подноготная нашего декора? Кстати, вы обратили внимание, что практически нигде не используется осина?

– А если я сбегу? – ляпнул еще не подозревающий, участие в каком шоу ему предстоит, Антон, и по реакции смрительной рубашки понял, что сморозил ерунду. К его провокации холщевая ткань отнеслась с глубоким пофигизмом.

– Я вечно ловлю ваш взгляд, посвященный вешалке в углу кабинета. Хотите, поведаю, что значит каждая деталь на моей униформе?

– Смена темы?

– Шевроны обозначают срок службы на «Старшую Эдду», двойной шеврон фиксирует второй век службы. Золотой скарабей, подчеркну, что не серебряный и не бронзовый, говорит о моей принадлежности к касте старших офицеров. Причем, у нас, у старших офицеров, есть две моды обхождения с фуражкой. Или она распята обручем так, что передок выгибается по дуге, или обруч вообще выбрасывается, тогда фуражка получается стандартно мятая, будто кепка из кармана. А вот, служи вы в наших рядах, я бы не рекомендовал держать изображение пирамидного кирпича на пуговицах, хотя это и требуется по уставу для нижних чинов... – здесь Эрнст облизнулся уже в четвертый раз.

Глава 3

Охота на гнилой зуб

*Все будем мы жить по-другому —
Без гнева и печали,
На благо всей земли,
Как мы давно мечтали,
Но так и не смогли.*

Эта дверь среди прочих в «Старшей Эдде» ничем особым не выделялась: окованный листовым железом стандартный друидский мореный дуб, разве что вела сюда – в сторожевую башню замка – особая лестница. Винтовая, из каменных ступеней, на каждой из которых, если хочешь дойти, следует творить пальцами правой руки в воздухе особый знак «Алистер».

Обмороженные пальцы слушались оберста худо, но он справился и остановился перед важной дверью только чтобы лишний раз проверить, безупречно ли сидит мундир, в который успел переодеться. Мундир сидел безукоризненно, регалии сверкали уставным блеском и даже набриолиненные кисточки на ушах торчали браво, только на душе у старого эльфа победный гром фанфар не буфонадил, совсем наоборот, очень кисло было на душе у старого оберста Харви Файнса.

Рука болела немилосердно, и он трижды стукнул в дверь носком начищенного сапога, легонько, даже шпора не звякнула.

– Прошу.

Оберст вошел и огляделся. За овальным столом пока восседал только штурмбан-вампир Дэмиен-Эдвард-Ральф, начальник разведки и контрразведки восточной инферн-группы войск «Старшая Эдда». Сегодня он напялил личину Ральфа, такового не расстающегося с бутылкой душистого «Гинесса» бритоголового английского футбольного фаната. Образу соответствовали драная футболка с веским ругательством, мятые камуфляжно-пятнистые штаны и высокие боты на шнуровке.

Штурмбан Ральф оторвался от изучения разложенной перед ним карты Ненецкого автономного округа и хрипло распорядился:

– Присаживайтесь, оберст, на любое свободное место.

Оберст отметил, что услышанное через дверь «Прошу», произносилось совсем другим голосом, и примостился от вампира по диагонали. Всколыхнулся воздух, впорхнувшая в незастекленную бойницу крупная летучая мышь ударилась о пышный малиновый ковер и обернулась начальником штаба «Старшей Эдды» Морганом Джи-Джи-Олифантом. Джи-Джи, чтобы вскарабкаться на стул, пришлось повозиться, он был гномом.

– Докладывайте, – выдержав гнетущую паузу и не глядя на оберста, процедил единый в трех лицах Дэмиен-Эдвард-Ральф.

Прежде чем получить пароль «Алистер» Харви вытерпел сонм унижительных процедур. Перво-наперво его загнали в сан-куб и окатали душем из богатого раствора ведьмовских трав. Далее дежурный дезаклятизатор вдоволь поизмывался, задавая каверзные вопросы про сопливое детство – пытаясь выяснить, та ли сущность вернулась с операции, или старика подменили. Потом, конечно же, традиционный тест на лояльность, а то, мало ли, отсутствуя, Харви нахватался радикальных идей. Конечно, испытания никогда не давали стопроцентной гарантии...

И теперь ветеран стал докладывать, не норовя ни выгородиться, ни усугубить. Харви Файнсу было нечего терять:

– Высадка в районе базирования Хозяйки Айсбергов прошла по заранее разработанному плану, на этом этапе неожиданностей не встретилось. Выставив двух бойцов на охрану двери в лето и выдвинув в количестве четырех бойцов фланговые дозоры, я с остальным контингентом двинулся в сторону ледяной цитадели. Наружное наблюдение не отметило ни одного тревожного фактора, и на марше соблюдался плановый порядок движения «белое безмолвие». – Файнс отмеривал слова разумно-скупыми порциями и тоже при этом не смотрел на слушателей. Взгляд его уперся в пуговицу на занимающем полстены парадном портрете Гребяхи Чучина.

– Наружное наблюдение отмечало ли какие-нибудь иные, НЕ ТРЕВОЖНЫЕ, факторы? – уткнувшись носом в бутылку с «Гинессом», поинтересовался Эдвард-Ральф.

– Ледяная пустыня, торосы...

– Продолжайте, оберст, – бесцветно разрешил начштаба.

– На пятнадцатой минуте маршрута мы вышли к объекту. Еще пятнадцать минут затратили на разведку системы патрулирования противника и выявление скрытых постов, однако ни того, ни другого не обнаружили в принципе, – пуговица на портрете отражала свет люстры в сто свечей, и даже этого скудно-отраженного света хватало, чтобы обожженным слепящее-белой пустыней глазам оберста было больно. Но Харви упорно держался взглядом за пуговицу, будто утопающий за соломинку.

– Ладно, пока оставим за кадром, сколько времени вы топтались у ворот Хозяйки Айсбергов, – впервые скользнуло раздражение в голосе штурмбан-вампира. – Что вы обнаружили, когда проникли внутрь? Или правильнее спросить – с чем столкнулись?

– Увы, в связи с невозможностью из-за низкой температуры провести полномасштабное наружное наблюдение, я был вынужден в нарушение регламента отдать приказ начать проникновение на объект. Однако ледяной дом был пуст, и в нем даже наблюдались признаки начала обветшания. Впрочем, ледяные строения априори быстро ветшают.

– Если они возведены не на самом Северном полюсе.

– Да, если они возведены не на самом полюсе, – без иронии повторил чужие слова оберст.

Закамуфлированный под пивную бутылку диагност речи в руках у вампира показал, что оберст говорит правду. Слово «правда» готическими буквами нарисовалось на этикетке вместо названия.

– Были ли отмечены вторичные факторы присутствия противника на означенном участке, как-то лыжные и прочие следы на снегу, бытовой мусор, итоговые продукты жизнедеятельности?

– Я готов дать голову на отсечение, что искомый объект не являлся декорацией, совсем недавно он был реально обитаем, и по характеру мусора обитаем десятью – двенадцатью жильцами. А по характеру лыжных следов мы сделали вывод, что противник покинул объект неделю назад.

– Как раз, когда было принято решение о проведении операции «Север-Норд», – сам себе подчеркнул штурмбан и, наконец, резнул оберста подозрительным взглядом, – Выводы подтверждаются результатами сопутствующих наблюдений?

– Более точные выводы получить мы не успели, началась атака ледяных истуканов... – тяжело вздохнул оберст Харви Файнс.

* * *

...Ледяная пустыня, торосы, пронзительный холод, выдыхаемый пар оседает сосульками на бородах, все кругом казалось подернутым неуловимой дымкой, словно прозрачная мгла затемнила дневной свет. Ледяной дом Хозяйки Айсбергов больше всего был похож на

заурядный блок-пост где-нибудь в горячей точке планеты. Те же траншеи, оборудованные огневые точки, маскировочные сети...

Повернувшись лицом к окну, Харви Файнс задумчиво сплюнул длинным плевком. Раздался резкий внезапный треск, удививший его. Он еще раз сплюнул. И опять, еще в воздухе, раньше, чем упасть на ледяной пол, слюна обернулась ледышкой. Бойцы яростно растирали руками щеки и носы. Но стоило им только опустить руки, и в ту же секунду немели щеки, и еще через секунду опять немели кончики носов.

Харви, надеясь найти хоть какие-то подсказки, куда испарилась Хозяйка, копался в содержимом брутально взломанного сейфа, ведь еще оставалась утлая мечта, что Хозяйка Айсбергов отчалила всего со светским визитом и вот-вот вернется. Штудирование сейфа заняло не больше пятнадцати секунд, и все же пальцы онемели. Он несколько раз сильно ударил голый рукой по ноге, боль в пальцах так скоро прошла, что он испугался. Как ни крути, придется разводить костер.

И тут по потолку с зубовным скрежетом побежала всполошенной ящерицей трещина. В сей же миг в оконные провалы с четырех сторон одновременно ударил кинжальный снежный буран, и только наитие подсказало оберсту отдать команду подчиненным не покидать укрепленную точку.

Харви приказал занять круговую оборону, а из снежной круговерти уже один за другим выдвигались полупрозрачные ледяные торсы. На месте ледяных истуканов, оберст напал бы, когда непрощенные гости, не застав хозяев, начали отход восвояси, и тогда в «Старшую Эдду» не вернулся бы никто. Но безмозглым истуканам закон не писан.

Дальше в памяти картины боя всплывали лихорадочными отрывками. Мечи и боевые топоры окруженных эльфов кололи ледяные мишени в крошку, но из осколков двух истуканов склеивалось трое, разве что чуть поменьше ростом, и атака не прекращалась. Вот завалило в углу Шишлю, Харви вспомнил белобрысую, чистую, не задетую смертью голову Шишли на снегу и свалившийся с головы шлем рядом; лицо с открытым глазом, одной щекой на снегу, и стрижку под бокс, и высоко, выше уха подбритый висок... Да, так вот оно и было с Шишлей, и больше сказать об этом нечего, потому что Харви и сам не видел, как потолок над Шишлей лопнул, словно воздушный шарик, и в дыру хлынули тонны слежалого снега.

Вот ледяная пика истукана сломалась в поперечнике, пробив заговоренную кольчугу на груди сержанта Малкера, вот ледяной кулак снес полчерепа Голату. На самом деле положение спас не запаниковавший рядовой Рерьюк, ломая ногти, содравший со спины истекающего кровью Малкера ранцевый огнемет...

* * *

– Если я правильно понял ваши недомолвки, герр оберст, – вернул старого Харви в действительность голос начштаба, – вы считаете, нет, вы убеждены, что утечка информации о готовящейся операции «Север-Норд» произошла еще на стадии подготовки.

Голос был столь скрипуч, что обмороженные пальцы Харви Файнса заныли пуще. Оберст коротко кивнул.

– А если правильно понял ваши недомолвки я, – хищно забарабанил пальцами по столу штурмбан, – Вы, Харви, находите некую связь между провалом операции и тем, что наш начальник штаба – гном, а Хозяйка Айсбергов – гномша. Пусть Джи-Джи – гном рудный, а Варласа – гномша ледяная.

– Я этого не утверждал.

– Но вы так подумали?

– Я не собираюсь снимать с себя свою долю ответственности за провал «Севера-Норда», но не собираюсь и взваливать на свои плечи чужую вину.

– С танкером должен был случиться «полный Титаник», и не случился. То есть, фактически потеряли смысл прежние акции против пассажирских паромов в Балтийском море...⁵ А если говорить предельно откровенно, стали бессмысленными ВСЕ наши прежние операции по дискредитации Петербурга, как мощнейшего транспортного узла на русском севере. – Вновь противно заскрипел голос гнома Джи-Джи Олифанта, – И речь идет не о доле ответственности. Слишком высока ставка!

– Всегда легче всего объявить виноватым простого исполнителя.

– Оберст, не надо истерик, вас пока еще ни в чем не обвиняют. Мы просто хотим разобраться.

– Я тоже очень этого хочу, – снизил обороты старый Харви.

– Все вышесказанное в докладе оберста совпадает с информацией из ваших источников? – повернулся начштаба к штурмбану.

– Пока да.

– Продолжим, оберст.

– После того, как первая лава истуканов превратилась в воду, я был вынужден отдать приказ к отступлению. В своем решении я руководствовался следующим: наш отряд обнаружен противником; надежд на пленение гномши Валрасы не осталось; использование огнемета не прошло даром для укрытия и возникла реальная угроза полномасштабного обвала; вообще, все мы основательно промокли, и при температуре минус тридцать семь...

– Информация Харви противоречит вашим данным? – нашел к чему прицепиться начштаба.

– Только в малозначимых частностях, – скривил губы штурмбан, – Минус тридцать пять и одна десятая.

– У вас данные на начало операции, – упрямо забубнил старый эльф, – после бурана температура снизилась до минус тридцати семи. Не отдай я приказ отходить, за полчаса мы все превратились бы там в сосульки.

* * *

...Буран налетел коршуном и так же внезапно прекратился. После бурана температура снизилась до тридцати семи. Видимость восстановилась, но толку от этого было мало, торосы являлись идеальными укрытиями для противника. Харви сначала приказал держаться рядовому Рерьюку с огнеметом в арьергарде, но истуканы перли из щелей со всех сторон.

Уже после того, как несколько солдат пробежали мимо, три полупрозрачных болвана внезапно отделилось от похожего на застывшего в броске белого медведя огромного ледяного образования и попытались взять полковника в клещи. Первого полковник рассек в поясе пополам веерным ударом, но древко боевого топора не выдержало, и у старика в рукавицах остался жалкий обломок. Харви подхватил выроненные сраженным врагом ледяную пику и нанес тычковый удар в голову второму набегавшему врагу. И пика и голова лопнули, будто высаженное прямым попаданием футбольного мяча школьное окно. Против третьего монстра старик оказался безоружным. И тогда рядовой Ласли метнул команду через голову разомкнувшего объятия ледяного исчадия топор...

Искрошив третьего нападавшего, старый эльф перестроил порядок отступления – усилил огнеметом первую цепь. «Кто отстанет, пробивается к точке встречи самостоятельно! –

⁵ Самой крупной аварией парома на Балтике до сих пор считается катастрофа следовавшего из Эстонии в Швецию парома «Эстония» в сентябре 1994 года. Тогда погибли 850 человек. Расследование этого инцидента продолжалось несколько лет.

был вынужден он отдать команду. И в результате у двери в лето отряд не досчитался пятерых... Кстати, одним из троих пропавших без вести оказался рядовой Ласли, пожертвовавший Харви Файнсу свой топор...

* * *

– Ладно, оберст, мы согласны с вами. Продолжайте, – пожал плечами начштаба.

– В связи с характером непрекращающихся атак превосходящих сил противника я был вынужден отдать команду, разрешающую каждому бойцу пробиваться к точке эвакуации самостоятельно.

– И это привело к дополнительным потерям.

– Герр Ральф, если бы я не отдал этой команды!..

– Не кипятитесь зря, оберст, – невесело хмыкнул Джи-Джи Олифант, болтая коротенькими ножками в воздухе, будто десятилетний шалун.

– Продолжайте, оберст, – спрятал клыки под губой Дэмиен-Эдвард-Ральф.

– Собственно, мне к рассказанному больше нечего добавить.

– Сколько времени вы ожидали отставших у двери? – на всякий спросил Джи-Джи, хотя и так было ясно, что оберст в критической ситуации вел себя достойно.

– Ровно три минуты.

– Это совпадает с вашими данными, штурмбан?

– Три минуты плюс пятнадцать секунд. У меня нет больше вопросов по ходу операции. Я считаю, и хочу свое мнение подчеркнуть особо, что выбор командиром операции кандидатуры полковника оказался правильным, – навалился футбольный фанат-вампир локтями на стол.

– Конечно, – язвительно улыбнулся гном, – ведь это была ваша идея: сформировать ограниченный контингент из ямурлацких эльфов, из-за многовековой неприязни эльфов к гномам. А от того, что эльфы значительно теряют боеспособность в условиях низких температур, вы пренебрежительно отмахнулись! – Олифант оглянулся, как бы призывая портрет Гребихи Чучина в свидетели.

– А вам принадлежала идея не снабжать участников операции во избежание соблазна солнцезащитными очками. Уже этого вполне могло хватить, чтобы прозевать выдвижение истуканов на позиции атаки! – оглянулся на портрет и штурмбан.

Действительно, экспедицию не снабдили солнцезащитными очками – ледяная гномша не может исчезнуть, только пока на нее смотрят «невооруженным» глазом, и обязана выполнить желание того, кто ее «поймал взглядом». Каждый воин отряда назубок выучил, что нужно говорить, если именно он первым обнаружит ледяную спальню и застанет там Хозяйку Айсбергов – «Хозяйка Айсбергов Валраса, ты – моя пленница, слушай и повинуйся: пошли айсберг потопить „Георгий Кононович!“⁶». Действительно, ослепленные отраженным снегом солнечным светом – снежной слепотой – бойцы Харви без очков могли профукать приближение истуканов. Но старый Харви просек, что настоящая драка за столом начинается только теперь, ставки гораздо выше, чем его карьера и брменная судьба, и избрал тактику глухого молчания.

– Мы не там ищем причину провала, – почти примирительно вздохнул Олифант, – операция была обречена заранее. Валраса узнала о наших намерениях загодя и благоразумно передислоцировалась в неизвестном направлении. Но, может быть, формирование Харви

⁶ Танкер усиленного ледового класса Мурманского морского пароходства, дедвейтом 17 тыс. тонн, приобретен у компании «НВ 2 Шиппинг Лимитед», работает на северном завозе, используется для каботажных перевозок сырой нефти и нефтепродуктов и для их вывоза из портов Балтии на экспорт в страны Европы.

Файнса было потрепано, но вернулось, потому что гномша и не собиралась его уничтожать? Проучила и хватит, показала силу, но не приказала маэстро Снегу и капельдинеру Льду исполнять полную версию вальса смерти?

– Вы ей симпатизируете?

– Оставьте ваши подначки, штурмбан, и спрячьте клыки. Это даже неприлично – демонстрировать их при каждой реплике.

– Ладно, погорячился, я тоже за конструктивный подход. И в этом ракурсе меня гораздо больше интересует, где произошла утечка. Хотя бы для того, чтобы впредь никаких утечек не происходило.

– Обнаружить гнилой зуб в наших рядах – целиком ваша работа.

– Пожалуйста, без пошлых стоматологических намеков.

– Согласен, приношу свои извинения. Итак, я говорил о том, что отношения с Валрасой рано считать окончательно испорченными. Если не удалось устранить танкер силой, мы можем попробовать предложить Валрасе плату за снаряжение айсберга.

– А я говорил о том, что проследить утечку не так уж трудно. От вас, уважаемый Джи-Джи, мне нужен полный перечень сотрудников, в малейшей мере допущенных к информации по «Северу-Норду». Эти же данные я надеюсь получить и от вас, почтенный оберст Файнс. Не торопитесь, тщательно вспомните любые случайные разговоры за последнюю неделю.

– Девиз операции «Северу не быть русским», – патетически набычился гном Олифант. – Цель операции – сделать нецелесообразным строительство новых грузовых портов вокруг Петербурга, то есть заложить мину продленного действия под идею лидирующего транспортного узла в макрорегионе. Параллельно нанести удар по нарождающейся туристической привлекательности города. Методика операции – цепочка внешне не связанных техногенных катастроф. Предпочтительные аварии – паром, пассажирский авиалайнер, танкер, порт, именно в такой последовательности, поскольку в операции используется принцип «снежный ком». Кстати, в связи с бесперспективностью я вынужден отменить наши действия в «Пулково-2»⁷. С учетом вышесказанного, вы представляете, штурмбан, какие аналитические и силовые ресурсы были задействованы при подготовке операции? Подозревать придется всех!

– В том числе и всех здесь присутствующих, – самодовольно оскалился футбольный фанат. – Но! – подчеркивая важность момента, штурмбан даже вскочил со стула, – в первую очередь проверке будут подлежать специалисты, имевшие отношение к прежним неудачным операциям.

– Вы имеете ввиду операции «Ловец снов» и «Красный дракон»?.. – нерешительно подал голос старый оберст.

– «Ловец снов», «Красный дракон» и в первую очередь «Генно-модифицированный чеснок».

– Эрнст фон Зигфельд? – почесал задумчиво подбородок Джи-Джи Олифант.

– А разве он имел доступ к информации по «Северу-Норду»?!

– Он сейчас работает по удачно подвернувшемуся местному священнику. И этот священник по нашим планам после экологической катастрофы с танкером должен был стать одним из разносчиков слухов о нависшим над Петербургом проклятием. Для достоверности пророчеств священнику опережающим порядком предполагалось внушить некоторые подробности гибели танкера, – свирепее затеребил подбородок гном. Он вспоминал, как это было на операции «Генно-модифицированный чеснок».

⁷ Международный аэропорт под Санкт-Петербургом.

* * *

... Джи-Джи Олифант прибыл на возделываемый посреди леса экспериментальный участок с рядовой проверкой. О его прибытии вахмистру Толбоду было известно заранее, и Джи-Джи после необременительной инспекции рассчитывал славно провести вечерок: охота или банкет в полевых условиях – вахмистр славился умением ублажить самую настырную комиссию. Но временный лагерь у делянки оказался пуст. Каменное здание мрачно и безмолвно отгородилось от окружающего мира наглухо опущенными ставнями. Флюгер в виде дракончика скрипел и крутился, как бешенный. Порывистый ветер гнул ветви и рябил бурую воду в лужах, и пытался вывернуть из петель оставленную нараспашку дверь.

Привыкший ко всякому Джи-Джи поначалу панику поднимать не стал, но зашел в радиорубку и отправил в «Эдду» с виду безобидную депешу с грифом «Вальпургиева ночь». Форточка в рубке оказалась не замкнута на шпингалет, и ветер здесь успел вдоволь похозяйничать – окурки из опрокинутой пепельницы катались по полу, пепел вихрился в миниатюрных смерчах. Приклеенный «для улады» плакат «Гарри Потера-три» порос бородастой плесенью.

Последовавший краткий осмотр жилых помещений ни чего не подсказал – личные вещи обитателей лагеря пребывали в умеренном беспорядке, системы безопасности периметра работали нормально. В кладовой Джи-Джи нашел подвешенного, освежеванного и начавшего тухнуть дикого кабана. Джи-Джи начал подозревать, что сообщение о его визите по техническим причинам сюда не дошло – раз в сто лет случается и такое – и прогулочным шагом двинул к экспериментальной делянке. Но кобуру с пневматическим арбалетом благоразумно расстегнул.

Поле генно-модифицированного чеснока он обнаружил за поворотом дороги, двадцать соток, зеленеющих стройными рядами вытянувшихся сантиметров на пять ростков. Ветер садировал верхушки деревьев, до роскоши ему было не добраться, и по рыхлому глинозему стелилось хлипким одеяльцем озерцо молочного тумана. От избытка усердия какой-то болван на окраине поля поставил огородное чучело в старом вахмистровском кителе. Чучело торчало из тумана по ремень, будто риф в штиль, погоны на кителе от ветхости поблекли, фуражка клюнула козырьком вперед.

И тут от дальней кромки леса к Джи-Джи по грядкам рвануло человек пять, ужасно худых и грязных. Олифант вскинул руку с пневмоарбалетом и опустил, пригладевшись. Бежавшие к нему были всего лишь пленниками из местных жителей, используемыми для полевых работ. Даже если здесь случилось нечто вроде бунта, Джи-Джи справится с пятеркой голыми руками.

– Куда по копанному!? – заорал он на пленников, безжалостно топчущих ростки.

И странное дело, будто от его окрика, двое первых споткнулись на ровном месте, упали в туман и уже не встали. Следом упали еще двое. Последний растянулся во весь рост от Джи-Джи в каких-нибудь трех метрах, и даже подслеповатые глаза начштаба разглядели, что ноги бегуна до колен превратились в кровавую кашу.

Произошедшее дальше тоже никак не порадовало Олифанта. Через доли секунды тело пленника в самых разных местах вдруг начали буравить прущие изнутри похожие на осьминожки щупальца черви, один выполз из подмышки и заизвивался, словно гусеница, мечтающая перебраться на соседний лист. Три других прободали грудь и затанцевали, сплетаясь и расплетаясь, будто брачующиеся кобры. Каких-то полминуты, и эта кишасящая склизкая розовая дрянь обглодала жертву до косточек. Теперь стало ясно, откуда взялось чучело в вахмистровских обносках: ведь сам вахмистр был из породы рудных гномов, кости скелетов которых соединяются не хрящами, а чем-то похожим на шарниры. Именно поэтому гномам

не особо страшны обвалы в шахтах, и именно поэтому скелет вахмистра Толбода не осыпался, когда черви обглодали мясо, а остался маячить памятноком-чучелом.

А под носом у Олифанта шевельнулась земля и вынырнувший розовый отросток стал принюхиваться к его сапогам... Как Жи-Жи бил рекорды по исчезновению с зараженной червями территории, в памяти стерлось, а вот как Олифанта сутки мариновали в сан-кубе под соусом из волчьего молока, к несчастью запомнилось прекрасно. Потом расследование показало, что на экспериментальную делянку упало проклятие «солитерной чумы», причем, это могло произойти как самопроизвольно, так и с помощью злого умысла...

* * *

Воспоминания гнома прервал властный голос, он исходил от портрета Гребихи Чучина, хотя изображение на полотне щедрыми мазками главнокомандующего «Старшей Эдды» не шевельнуло единым мускулом:

– По всем имевшим доступ к информации об провальных операциях начать полномасштабную проверку. И все же максимум внимания уделить проверке антииеромонаха обервампир дракульского толка Эрнста фон Зигфельда. Все свободны. Для спуска по ступеням используйте пароль «Маклин». – Это был тот же самый голос, который сказал оберсту «Войдите».

* * *

Ночь умирала где-то там – на востоке – край неба озарился белым, и белый цвет, будто серная кислота, поедал мрак. Обреченному мраку ничего не оставалось, кроме как искать спасение в лесной чаще, и невольно он стал свидетелем странной сцены.

Один человек – в чем-то посконно рогожевом – без энтузиазма ковырял сырую землю штыковой лопатой и уже успел углубиться по колени. Здесь лопата все чаще стала натываться на узловатые корни, но землекопа это огорчало не очень, он не шибко торопился. Второй – в напыленном поверх военной формы цивильном длинном плаще – остановился в метрах пяти от первого и нервно гнул в руках офицерский стек:

– Каждая религия имеет, понятно, собственный пантеон богов разной степени крутости, и вся разгуливающая по миру нечисть, по сути, является богами-сержантами, богами-вахмистрами и богами-вице-адмиралами сошедших с мировой арены религий-аутсайдеров. – Вещал, похлопывая себя по сапогу стеком фон Зигфельд и чутко ловил косые взгляды пленника. – Но есть нынче «успешные», извини, смертный, за маркетинговый термин, религии: мусульманство, индуизм, конфуцианство, дзен, православие, католицизм... которые негласно или гласно конкурируют между собой. Это как бы предпосылка. – Зигфельд вполне трезво оценивал боеспособность пленника и пытался отгадать, когда тот психанет и ринется на прорыв. А что пленник психанет, Зигфельд не сомневался ни на йоту.

Антон раз за разом стряхивал с ножа лопаты очередную пайку рыхло сырой, богатой песком земли и надеялся, что его пристрелочные косяки остаются не замечены. Кажется, судьба дразнит его последним шансом, вот только вопрос – действует ли исправно вне стен замка смиренная рубашка?

– Причем, каждая церковь имеет не только официальную, открытую для смертных адептов, сторону, а и тайную – аналог спецслужб у светских держав. И эти конфессиональные спецслужбы проводят спецоперации в подавляющем большинстве случаев силами завербованных представителей «ушедших в тираж» религий, чтобы «высокосный» материал зря не пропадал. – Хищно скалился фон Зигфельд.

А у Петрова перед глазами крутились кадры его бестолково истраченной жизни: первая сигарета на перемене за углом школы... как он с велика грохнулся в лужу... как они с Викой беседовали в летнем кафе, пили кофе с тополиным пухом, отплевывались и чихали тополиным пухом, и были счастливы, как дети... А дальше Настя – как он приволок совершенно неспелый арбуз, а она делала вид, будто ужасно вкусно...

– Так конфуцианство и буддизм привлекают к работе лис-оборотней и прочих, кто там еще есть в китайских эпосах. Мусульманство экспериментирует с дэвами, джинами и другими персонажами из баек про Синдбада. Протестантство и католицизм решают вопросы силами вампиров, вервольфов, скандинавско-валгальной нечисти и друдо-кельтской пурги. Православие обходится рекрутами от Даж-бога до анчуток, шышлей и прочих мелких бесов, – нагонял смертную тоску Зигфельд.

Петрову так и хотелось ляпнуть, что его кормят бредом сивой кобылы под стебовым соусом. Но обстановка – мрак, сосны, как ни сачкуй, углубляющаяся могила – подчеркивала, что все это очень серьезно. Антон наметил место для удара штыком лопаты – под длинным костлявым заостренным подбородком. Надо только, чтобы этот эсесовец подошел поближе. То, что после баншей и големов глупая судьба свела Петрова с вампиром, сомнений не оставалось, и в этом ракурсе становилась простецкой загадка, для кого ботаник сейчас копает могилку. И было что-то особо издевательское в том, что кровосос перед прогулкой переделся в воинскую форму. Интересно, на кой ляд?

Конечно, можно было приложить максимум усилий, чтобы последний приют ботаника удался по евростандарту, но Антон Петров мечтал истратить эти усилия на другое, он еще на что-то надеялся. А злодей знай, читал лекцию, и его голос здесь, под непроглядной сенью колючих сосновых лап, звучал отчасти похоже на волчий вой.

– Из этих существ конфессиональными спецслужбами формируются боееспособные на мистическом уровне «иностранные легионы». – Хитро улыбался фон Зигфельд. – Незримая для простых смертных война, иногда густо кровавая, с жертвами в миллионы банальных смертных (эпидемии, межнациональные конфликты, стихийные бедствия...), иногда префрентеративно скрытая от глаз посторонних вечна.

Вопрос, зачем ему грузят все эти легендарно-ирреальные подробности, Антона не мытарил. Почему бы благородному вампиру и не побалагурить перед поздним ужином? Конечно, на лопату у Петрова выпадало мало надежды, по классическим шпаргалкам здесь гораздо больше выручил бы крепкий осиновый кол, да где ж ему взяться-то, в хвойном лесу? Вот и придется обходиться подручными средствами... Жаль, что больше не будет ни Вик, ни Насть, ни зеленого арбуза, ни тополиного пуха...

– Тактика подобной незримой войны – создание каждой стороной по каждому радиусу фронта мобильной inferнально-военной базы с приданной ей группировкой полевых войск. – Тревожно глянул на часы фон Зигфельд. – Я служу восточной inferн-группе войск «Старшая Эдда», нам с православной стороны противостоит дивизион волхв-спецназа «Ярило».

Антон пошел на простительную хитрость, он стал приседать в коленках, чтобы со стороны могила казалась глубже. Он молил Бога, в которого до последних приключений не верил, чтобы болтун-эсесовец подошел поближе проинспектировать качество земляных работ.

– Достаточно? – попытался Петров голосом выразить безмерный трепет.

– Ты, я вижу, примериваешься огреть меня лопатой? – надменно фыркнул фон Зигфельд. – Бессмысленная трата сил. Да и не угрожает ничего твоей жизни. Не дури, копай-копай.

Так Антон и поверил, будто его жизни ничего не угрожает, но делать нечего, метать лопаты по движущейся мишени его не тренировали. И опять спрятавшиеся в земле корни

заскрипели под напором железа. Собственно, последней ставкой в игре ни на жизнь, а на смерть Петрова оставались нечастые рассказы в художественной литературе, дескать вампиру смертельно и железо. Только вампир приблизится, тут мы и узнаем, где правда.

– Собственно, – будто украв подходящее слово в мыслях пленника, продолжил фон Зигфельд, – развал СССР и последовавший социальный кризис вплоть где-то до середины девяностых в России случился не по экономическими закидонам, а благодаря успешными операциями «иностранных легионов» Запада. Однако русский «иностранный легион» с девяносто восьмого года провел ряд ответных операций, и ситуация кардинально изменилась. – Вампир прокашлялся и поторопил, – ты не дрейфь зря, не жажду я вкусить твоей крови, для «Старшей Эдды» ты слишком ценный кадр.

– Зачем же тогда учения по выкапыванию окопа в полный профиль? – услышанному про развал СССР Петров верил и не верил, да и не важными для него сейчас были все тайны миропорядка. Судьба оттикнувала последние мгновения его последней весны.

– Загляни-ка в те кустики, что у тебя справа. – Сменил кровосос патетические завывания на сугубо деловой тон.

Антон заглянул, при этом изо всех сил стараясь не поворачиваться к болтуну спиной. Прозванная ветка больно хлестнула по щеке, вторая низкая сосновая лапа заехала жесткой хвоей в ухо.

– Вот для этого друга ты и старался. Мерзейший, скажу тебе, тип по фамилии Фрязов.

Мрак растаял окончательно, оставив в воздухе лишь мрачно-грязно-рассветную память о себе. И теперь Антон узнал, как выглядит человек, пришедшийся вампиру по вкусу.

– А на вкус? – Петров ткнул лопатой в труп, поворачивая скукоженное тело лицом к себе. Лучше бы он этого не делал, такие рожи и в военной хронике не встретишь. Смерть наш Петров видал, благодаря праведным трудам на ГРУ, в разных обличьях, но такую постарался бы избежать любой ценой.

– А на вкус тоже так себе – рыба кровь, осетрина второй свежести, обед на уровне придорожной кафешки. Так что поскорее бери эти объедки под закорки и вали в яму, а то солнце встает.

Антон не рискнул выпустить лопату из руки и отволол труп в яму за шиворот. Тот норовил зацепиться за сучки, но Петров благоразумно не истратил все силы на могилку, и тело успокоилось на дне в позе эмбриона. Дневной свет входил во власть, уже можно было разглядеть паркетный рисунок грунта на стенках могилы.

– Теперь аккуратно насыпь и припороши хвоей. Волки или бродячие собаки, конечно же, нашу могилку быстро бы нашли, только не водятся таковые здесь. Разве что какой-нибудь барсук...

– Так уж и не водятся?

– Там, где правит «Старшая Эдда», чужим крупным хищникам ловить нечего, – любуюсь, как пленник трудится, благосклонно улыбнулся вампир. – Ну а тебя, мил человек, небось, очень интересует, зачем же я тебе все по полочкам раскладываю?

– После того, как обнаружился этот рояль в кустах, гораздо больше, – честно признался Антон. Страх потихоньку разжимал костлявые пальцы на его сердце.

– Ты – профильный ботаник, не побоюсь сказать, дико перспективный. И вот тебя оценили по заслугам – твой талант потребовался «Старшей Эдде». Некое время тому у нас кончилась пшиком операция «Генно-модифицированный чеснок». Суть операции «ГМЧ» заключалась в следующем: используя новейшие биотехнологии, мы задумали вырастить сорт чеснока, совершенно безвредного для вампиров. А потом собирались тайно повсеместно внедрить новую культуру в сельскохозяйственных районах, где предполагается проводить силовые мероприятия с использованием кровососущих коллег. Ты даже не представляешь, насколько это для нашего мира важно! И вот теперь у руководства возобладало

мнение, что опыты следует продолжить. И уже есть кандидатура на штатную должность начальника лаборатории, отгадай – кто это?

Остаточный мандраж еще колбасил мышцы и нервную систему Петрова. «Такие повороты слишком круты для моей лошадки», – всплыла в подкорке анонимная цитата.

– Типа, я должен пахать на врагов России? – будто ему поведали плоский анекдот, в сомнениях хмыкнул Антон, и сгреб на могилку последний ком земли. Притопнул. И подошвой разровнял горб загодя сметенной хвои, наводя глянец. В голову постучалась следующая цитата: «Он продавал всех, кто его покупали», – посмотрим, к месту ли?

– И много тебе дала твоя Родина? – Зигфельд подошел и отечески положил руку на плечо. – Это не твоя Родина, это Родина «Ред Ойла», они здесь, среди этих чахлах березок, – Зигфельд стеком указал на угрюмую стену сосен, – чувствуют себя полноправными хозяевами, что хотят – покупают, что хотят – продают, что хотят, то и творят. А мы тебе предлагаем стать одним из нас, тех, для кого разные «Ред Ойлы» вроде цветочной тли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.